

КРУПНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖАНР

Игорь Нехамес
(г. Москва)

БОРОДАТЫЕ БОГИ
Киноповесть*

30 марта 1990 г.

В палату, где спят мальчики, тихонько зашел вожатый Евгений. Он осторожно потрогал Андрюшу за правое плечо. Мальчик удивленно открыл глаза.

Андрей: Ой, как солнце светит! Я проспал? Доброе утро, вожатый.

Вожатый Евгений (улыбаясь): По кубинскому времени сейчас шесть часов утра. Через полчаса подъем. Мы хотим по лагерному радио дать позывные на трубе. А ты умеешь играть на трубе?

Андрей отрицательно покачал головой.

Вожатый Евгений: Жалко. А ты не знаешь, кто может?

Андрей: Ой, мне Люба рассказывала, что она в младших и средних классах была горнистом пионерской дружины.

Вожатый Евгений: Дай руку, комиссар. Спасибо большое! Ты потихонечку вставай, а то проспичь.

Он оглядел спящих ребят и, повернувшись к Андрею, проинформировал.

Вожатый Евгений: 31 марта Антону исполнится пять лет. Надо будет мальчика поздравить.

Андрей осторожно сел на кровати, спустил ноги.

Андрей: Мы обязательно перед всем отрядом поздравим. Спасибо за подсказку.

Вожатый осторожно вышел.

В 6.30 утра раздались звуки горна по радиотрансляционной сети лагеря. Андрей посмотрел на свои наручные часы, которые лежали на тумбочке.

Андрей (негромко сам себе): А у нас-то в райцентре уже половина третьего дня. Ничего себе, я спал!

В своей кровати зашевелился Денис.

Денис: Ты тоже часы не перевел, Андрей? Как и я?

Мальчики засмеялись.

В палату зашел высокий курчавый смуглый юноша.

Юноша: Я — Анхель. Буду вас всегда опекать от рассвета до заката. Если трудно, помогу ходить. Давайте знакомиться.

* Окончание; начало см. в № 2, 2017 «Приокских зорь».

Он подошел к ребятам и каждому пожал руку.
Мальчики заулыбались. Глеб посмотрел в какую-то бумажку и задорно выкрикнул.

Глеб: Вива, Куба! Вива, Анхель!

Все засмеялись.

Анхель (серьезно): Вива, Россия! Вива, Советский Союз!

К разговору подключился Борис.

Борис: Буэнос диэс, амиго!

Все заулыбались.

Анхель: Десять минут на то, чтобы привести себя в порядок и идем на пляж. На двоих — по одному кокосу. А тебе, нинья, самый наш маленький друг,— целый кокос! Договорились?

Всем стало весело.

Антон: Что такое кокос?

Анхель: Потом скажу. Встаем, быстро!

Он взял стоящую в углу сложенную коляску Дениса и стал ее раскладывать.

Пока мальчишки бегали в туалет и умывались, Андрей заправил свою кровать и кровать Тоника.

Антон вернулся и запротестовал.

Антон: У меня руки есть! В следующий раз, пожалуйста, Андрей, не делай этого.

По специальному пандусу со второго этажа выкатили вниз коляску с Денисом. Изю всех корпусов шли и ехали в колясках ребята на пляж.

По песку коляску катить было плохо. Поэтому Денис попросил, чтобы ему помогли встать. Держась за плечо Анхеля, он сделал несколько шагов и начал заваливаться. Андрей успел подскочить и подставить свою спину Денису. Правой рукой Денис обнял его. Андрей осторожно выпрямился, но так как он был ниже Дениса, то все равно Денис наклонился набок в его сторону. Анхель прижал к себе Дениса и легко поднял его на руки.

Анхель: Давай я тебе помогу. А ты не стесняйся.

Дошли до океана. Анхель осторожно поставил Дениса на ноги. Океанская вода омывала всем ступни.

Борис (восхищенно): Ребята! Это какое море? Какие волны тугие!

Анхель: Перед вами Атлантик. А далеко-далеко в другую сторону — Европа. Мы находимся на американском континенте.

Советские дети восторженно застыли.

Тишину прервал радостный визг Антона.

Антон: Смотрите! Смотрите! Это рак!

Небольшой крабик вплыл на берег и резво побежал по песку. Анхель захлопал ладоши. Крабик побежал еще быстрее. Затем снова вошел в воду и побежал по дну вглубь океана.

Анхель: В океане есть все. Главное, не обижайте рыб, морских зверей и птиц. А еще черепах. Они — символ долголетия, жизни.

Ребята переглянулись. Все они впервые в жизни видели океан. И он потряс их своим спокойным величием.

Разместились в шезлонгах. Анхель, как и обещал, принес три круглых шара, очень твердых на ощупь. Анхель положил два кокоса на песок, а третьим потряс перед ухом Антона.

Анхель: Слышишь, плещется?

Антон: Анхель, ничего не слышу, но тебе верю.

Анхель вытащил из ножен, висящих у него на боку, широкий нож. Это был необычный нож. Он суживался к острию, а сталь была очень прочная.

Короткий сильный удар. Появилась дырочка. Анхель вставил туда соломинку и протянул Антону.

Анхель: Пей до дна, жизнь у всех одна!

Антон засмеялся. Взял кокос двумя руками, затем поместил трубочку в рот и начал осторожно пить. Лицо его стало довольным.

Четверо мальчиков и Анхель внимательно наблюдали за ним. Через полторы минуты кокос был пуст. Антон сделал еще несколько всасывающих движений, затем вытащил трубочку и с сожалением заглянул в дырочку.

Антон: Все кончилось, Анхель!

Анхель: Сейчас я дам по одному кокосу на двоих вам, братья, и вам, Денис и Андрей. Ваши кокосы побольше. Потом будете лежать в шезлонгах и полчаса смотреть на океан.

Андрей впервые в жизни пил кокосовое молоко. Оно было прохладное, с кислинкой. И этот вкус ему очень понравился. По глазам Дениса он понял, что тот тоже доволен. А братья Глеб и Борис между собой заспорили: кто выпил больше.

Анхель взял плетеную корзину и положил туда три пустых кокоса.

Анхель: Советские друзья! На пляже мусорить нельзя и кокосы не разбивайте. Черепки поранят ноги или руки — края острые. Мы пустые кокосы будем отдавать нашим мастерам народных промыслов. А они потом подарят вам сувениры из них.

Денис (удивленно): Анхель! А кокосы нам дали только один раз?

Анхель (расхохотался): Друзья. Утром и вечером вы будете пить кокосовое молоко. Оно выводит радиацию. Будете пить всегда — быстро выздоровеете. Согласны?

Все в знак одобрения покивали головами.

После завтрака начались медосмотры.

Андрей достал из чемодана три больших объемистых папки, в которых разместилась его история болезни почти за четыре года.

Ему дали специальный листок. Андрей должен был обойти восемнадцать врачей. На это ушло десять дней.

Другие ребята тоже проходили осмотр у медиков. Были заняты все с утра до вечера, встречались только в столовой. Повседневные заботы поглотили все внимание детей. Каждый верил в то, что обязательно вылечится.

Ребят не интересовало время — для детей оно проходило быстро. Все надеялись на счастливый положительный результат.

В этой суете Андрей почти не видел Любу, хотя каждый день думал о ней. Девушка ему очень нравилась, несмотря на то, что почти на три года была его старше.

Однажды после ужина Люба сама нашла Андрея, отвела его в сторону. Они остановились возле высокой стройной пальмы.

Люба (теребя концы галстука): Андрей! Завтра утром меня еще до завтрака увезут отсюда. Повезут в хирургический центр имени братьев (она достала бумажку и прочитала) Амейхейрас. Меня там подготовят к операции и будут делать пересадку костного мозга. Доктор Дуглас сказал мне, что если я не соглашусь на операцию, то у меня будущего нет.

Оба подростка вздрогнули. Андрей схватил Любу за руку.

Андрей: Мне восемнадцатого мая исполнится четырнадцать лет. Осталось чуть больше месяца. Я хочу, чтобы ты испекла мне торт и вставила туда четырнадцать свечей. Когда свечи зажгут, я погашу их с одного раза. И загадаю желание.

Люба: Я постараюсь. Лишь бы операция прошла удачно.

Люба слегка наклонилась и расцеловала мальчика.

Андрея первый раз целовала девушка. Он покраснел и стоял растерянный.

А Люба вдруг резко повернулась и, слегка прихрамывая, пошла к своему корпусу.

Перед сном Андрей поделился новостью с Денисом. Тот пришел в сильное волнение.

Денис: Андрей, давай договоримся так. Наш отряд называется «Несломленные», ты не забыл?

Андрей утвердительно покивал головой.

Денис: Наш боец Люба идет на операцию. Мы должны перед строем ее проводить. Видишь, я маломобилен, у меня парез правой стороны лица, правого плечевого сустава и частично правой ноги. Мне два с половиной месяца будут делать специальные уколы, массаж. А через день будут проводить тренировки на тренажере. А ты пусть медленно, но ходишь. Пройди по всем корпусам и на 7 утра объяви построение на нашей круглой площади, где флаги. Комиссар, выполняй задачу!

Мальчики пожалы друг другу руки, и Андрей вышел из комнаты.

12 апреля 1990 г.

В 7 утра кубинцы-волонтеры, советские помощники начали было разводить детей по корпусам после получасового нахождения на берегу океана и традиционного выпивания кокосов.

Но мальчики и девочки требовали отвести их на круглую площадь. Желание детей было выполнено. Дети стали сами, без команды, строиться в три шеренги. Вожатый Евгений удивленно посмотрел на Андрея.

Вожатый Евгений: Андрюша! Что за событие сегодня? Почему нарушается привычный распорядок?

Через несколько мгновений он радостно охнул: Я же совсем забыл! Сегодня же День космонавтики. Молодец, комиссар!

Но Андрей был серьезен.

Андрей: Отряд «Несломленные»! Равняйся! Смирно! Для рапорта старшему вожатому будьте готовы!

Он медленно и не очень уверенным шагом направился к Евгению.

Андрей: Товарищ вожатый! Отряд «Несломленные» построен! Сегодня мы провожаем на боевое задание нашего товарища (закончить он не успел, так как раздался автомобильный сигнал)

Микроавтобус специальной скорой помощи с надписью на испанском языке на боку «Хирургический центр братьев Амейхейрас. Гавана. Куба» хотел проехать через площадь к одному из корпусов. Но так как проезд был занят детьми, то водитель остановился. На сигнал никто не отреагировал. Задорный водитель-кубинец вышел из машины и помахал поднятой вверх левой рукой.

Водитель: Ола, советикос! Мне ехать. Прошу пустить.

Вдруг он понял, что дети серьезны. Что один из них что-то докладывает другому и замолчал.

Андрей (продолжил): Сегодня мы провожаем на боевое задание нашего товарища Любу из Гомеля. Ей предстоит операция по пересадке костного мозга в хирургическом центре имени братьев Амейхейрас. Фамилию Андрей произнес без запинки. Равнение направо!

Все повернули голову направо и увидели, как по одной из аллей медленно идет Люба в сопровождении кубинца-волонтера и доктора Дугласа. У Любы было удивленное лицо.

Все отсалютовали ей. А пятилетний Тоник, который даже не был октябренок, сделал тоже самое. Никто не засмеялся.

Вожатый Евгений: Рапорт принимаю. Люба! Желаю тебе выздоровления и вернуться в строй бойцов отряда. Ты — первая, кто уходит на боевое задание. Ждем с победой!

Вожатый Евгений пожал Любе руку и обнял ее. Девочка разрыдалась. Все угрюмо опустили глаза.

Сидевший в коляске командир Денис вдруг сказал.

Денис: Люба! У меня для тебя сюрприз.

Весь отряд заинтересованно посмотрел на своего командира. В руках мальчика оказался маленький кассетный магнитофон с динамиком. Он нажал на кнопку и зазвучал Гимн Советского Союза.

Люба перестала плакать. В тревожном волнении замерли все. Когда отзвучал гимн, Денис продолжил.

Денис: Пусть этот гимн всегда будет с тобой, Люба! Ждем с победой!

В глазах Любы стояли слезы. Она подошла к каждому бойцу и пожала руку. Потом повернулась к Андрею.

Люба: «Прощай» говорить не буду. Я вернусь.

Андрей достал из левого кармана на груди мамин платок и протянул его Любе.

Андрей: Слезы вытри сама и больше не плачь. Когда вернешься, платок отдашь. Договорились?

Люба снова обняла Андрея, но целовать перед строем не стала — застенялась.

Затем она скрылась в машине.

Вожатый Евгений: Отряд, вольно! Разойтись по своим делам. Исполнять режим дня.

Машина развернулась и медленно поехала из лагеря, а ребята махали вслед до тех пор, пока машина «Скорой помощи» не скрылась за поворотом.

30 апреля 1990 г.

В лагерь Тарара приезжает Чрезвычайный и Полномочный Посол Советского Союза в Республике Куба Юрий Владимирович Петров. Он прошел по корпусам, беседовал с ребятами. Рассказывал о том, какие дружеские связи установились между Советским Союзом и Республикой Куба. Сообщил, что положено начало одному из самых гуманных поступков, которые знает история. Эту идею Фиделя Кастро осуществляют кубинские врачи.

Посол и сопровождающие его лица ни взглядом, ни жестом, ни отношением не показали своего огорчения. Наоборот, они всячески вдохновляли ребят, говорили о том, что все закончится хорошо — их вылечат.

На торжественной предпраздничной линейке Посол еще раз подчеркнул.

Ю. В. Перов: Ребята! Куба — это единственная страна в мире, где создана и осуществляется комплексная программа массового и бесплатного здравоохранения и оказания помощи жертвам аварии на Чернобыльской атомной электростанции. Среди вас, приехавших сейчас на Кубу, есть и те, кто жил недалеко от атомной станции, и те, кто находился за сотни километров и даже тысячи. Радиация не пощадила никого. Но здесь кубинские врачи, медперсонал и волонтеры делают все для того, чтобы победить невидимого врага. Ваши родители могут быть спокойны.

Завершая свое выступление, Посол сообщил, что Посольство организовало выезд в Мусео де Бейтес Артес — национальную галерею Кубы.

Ю. В. Перов: Ребята! Это одно из крупнейших хранилищ мирового изобразительного искусства в Америке. Вам, ребята, понравится.

Ребята обрадовались. Хотя все понимали, как важно регулярно лечиться, но все равно накапливалась эмоциональная усталость от однообразных повторяющихся процедур, тоски по родным и близким, жаркий климат.

Многие ребята познакомились в самолете, но очень редко виделись здесь в Тараре, потому что график лечения не совпадал, а ряд детей после проведенных этапов лечения вообще практически не покидали свои корпуса. Их там и кормили.

В Национальной картинной галерее ребят ждали. Кубинские музейные работники были очень предупредительны, помогали тем, кто плохо передвигался. А если кто-то уставал, то тут же усаживали на банкетки, чтобы ребята могли отдохнуть. Двухчасовая экскурсия всем очень понравилась, тем более, что ее проводили искусствоведы-волонтеры на русском языке.

Походили ребята и по центральной площади Гаваны, пофотографировались на фоне Капитолия, который на несколько метров выше своего американского тезки.

В Тарару возвращались с песнями. Усталость отошла.

Лечение продолжалось (использовать документальные кадры, где показано, как ребят лечат, как с ними занимаются на тренажерах, как они купаются в океане).

20 мая 1990 г.

Валентина Павловна копается в огороде. Вдруг чувствует, что на нее кто-то смотрит. Она поднимает голову и видит почтальона.

Валентина Павловна: Здравствуйте, Клавдия! Мимо проходили или как?

Почтальон Клавдия: К вам шла, Валентина Павловна! Письмо вам большое из-за границы с красивыми марками. С Кубы прислали.

Валентина Павловна быстро снимает перчатки, мгновенно оказывается возле калитки.

Валентина Павловна: Здравствуйте, Клавдия! Как я рада вас видеть!

Почтальон Клавдия: Да проходить я в дом не буду, а порожек переступлю, а то нехорошо передавать с улицы во двор — к неприятностям это.

Валентина Павловна торопливо открывает калитку. Клавдия заходит, достает небольшую тетрадь, в которой Валентина Павловна расписывается. Затем она бережно берет из рук Клавдии большой пакет и углубляется в созерцание обложки конверта.

Клавдия понимающе улыбается. Ей известно от мужа Валентины Павловны Валерия, что их сыночка Андрюшечку отправили на лечение на Кубу. Она осторожно прикрывает за собой калитку и, не оглядываясь, удаляется. Еще надо успеть всю почту разнести. А уже 9 часов утра.

Валентина Павловна заходит домой, берет старые бабушкины ножницы и осторожно распаковывает конверт. Достает оттуда шесть рисунков. На двух из них даты «2 апреля 1990 года», затем стоит дата «27 апреля 1990 года». А еще на двух — «1 мая 1990 г.». На трех рисунках изображена Валентина Павловна, еще на двух — она вместе с мужем Валерием, а еще на одном изображен их дом. Рисунки слабенькие по исполнению, но над домом сияет солнце и летают птички.

Валентина Павловна счастливо улыбается.

Валентина Павловна (рассуждает сама с собой): Какая я на этих двух рисунках страшная! Пряма сама на себя не похожа. А вот Андрюшины подписи. На первом рисунке «Мама грустит», на втором — «Мама задумалась». На третьем — «Мама отдыхает после кормежки трех поросят».

Валентина Павловна вздыхает: одного поросенка забили, потому что нужно было найти деньги для покупки комбикормов. Хорошо, что сосед-тракторист Игнат не сразу взял деньги за два мешка. Сказал, что подождет неделю. Деньги она отдала раньше, как распродала мясо поросенка.

Затем Валентина Павловна посмотрела на свои портреты с мужем. Они были без подписей. Валентину Павловну позабавил один рисунок: она подает мужу чашку, а на столе стоит розетка с вареньем. Перевернула рисунок и увидела подпись сына: «Перед чаепитием».

В конверте оказалось и письмо, написанное с орфографическими ошибками, но понятное для чтения.

Валентина Павловна прочла это послание вслух: «Уважаемая русская мать! К вам обращается Виолетта. Учю русский и знаю, как пишу. Я — психолог в детском центре Тарара. Здесь мы лечим советских детей. Вашего сына тоже. Он три раза рисовал рисунки по важным темам: «Какой я вижу маму», «Какой я вижу наша дом», «Во что я верю».

Далее Виолетта продолжила письмо: «У мальчика стабильно среднее состояние организма. Думаю, будет лучше. У нас на Кубе жарко и он быстро устает. Но в тени и в помещении — бодрый мальчик. Вам спасибо, верьте в Кубу, а мы верим в его здоровье. Изопсихолог Виолетта Масеро Родригес.

Валентина Павловна (не сдерживая чувств): Спасибо тебе, Виолетта. Хоть весточку от сына получила.

В это время в дом зашел Валерий, который что-то ремонтировал в сарае.

Валерий: Видел, ты с Клавдией разговаривала. Неужели от Андрюшечки весточка?

Валентина Павловна: Да, твоя двоюродная сестра радость нам принесла. Андрюшечка в живописцы готовится. Раньше у него художественных талантов не было, да вот хорошая кубинская девушка Виолетта Масеро Родригес учит его азам изобразительного искусства.

Валерий снял сапоги, одел тапочки и подошел к жене. Бережно брал по одному листу бумаги и внимательно рассматривал. Потом посмотрел на Валентину Павловну и убежденно сказал.

Валерий: А у сына-то диагноз гемофилия не подтвердился, как я вижу из рисунков. У него что-то другое, не такое тяжелое. Так что наш мальчик будет жить.

Валентина Павловна благодарно обняла мужа. Затем бережно сложила все листы в конверт и аккуратно положила в шкаф. Она еще много раз будет пересматривать эти рисунки.

Валентина Павловна: Валера! А почему Андрюшечка сам ничего не написал? Тебя это не волнует?

Валерий: Почему не написал? Он же подписи поставил и даты. Возможно, их и не просили писать письма — вот он и не написал. А может быть, пока и не хотят кубинские врачи заранее об успехах говорить. Наш мальчик почти четыре года болеет. Думаешь, что за один день или за неделю выздоровеет? Главное, что улучшение началось.

Валентина Павловна: То, что жив — хорошо. То, что хорошо лечат и бесплатно — очень хорошо. То, что заботятся о них, — прекрасно. Но я так скучаю за Андрюшечкой — сил нет. Может, мне начать деньги собирать на поездку?

Валерий сочувственно посмотрел на жену, хмыкнул, но ничего не сказал.

По его реакции Валентина Павловна поняла, что пока суетиться не нужно.

28 мая 1990 г.

В гости к ребятам пришли артисты гаванского передвижного цирка. Это был не обычный цирк, а зоологический. Три больших венесуэльских попугая по команде дрессировщика поочередно и вместе чирикали мелодии. А в завершении их выступления самый большой попугай, которому, как сказал дрессировщик, будто бы сто лет, вдруг на хорошем русском языке сказал: «СССР, Куба, дружба». Восторгу ребят не было предела. Хлопали несколько минут, а затем большой попугай изобразил аплодисменты. Дети возликовали. Взрослые видели радость детей и радовались тоже.

Всеобщее умиление вызвали два тигренка, которые умели складывать цифры.

Дрессировщик говорил: «Уно плюс уно» и тигренок находил цифру 2 и прижимал ее магнитиком к доске.

Андрей с друзьями так увлекся, что не заметил, что карточка была всего одна. Что же мог взять тигренок еще?!

Потом дрессировщики разрешили ребятам погладить тигрят.

Вожатый Евгений в рифму сказал: Кто тигренка погладит, тот себя от болезни избавит!

После такой рекламы тигрят затискали так, что они уже сами жалостливо смотрели на дрессировщика.

Завершая вечер и поблагодарив кубинских артистов, вожатый Евгений сообщил новость.

Вожатый Евгений: Ребята! А хотите увидеть львов?

Дружный возглас «Да! Хотим!» был ему ответом.

Вожатый Евгений: Договорились. Первого июня все поедем на экскурсию на бульвар Пасео Прадо, где живут львы. Вы там ходите, покатайтесь (покосился он на коляску, так как почти напротив него, чуть-чуть наискосок сидел командир отряда Денис). Те, у кого назначены лечебные процедуры, в этот день лечение проходить не будут, потому что 1 июня — Международный день защиты детей.

Все дружно прокричали «Ура!»

Андрей подумал про себя: И день рождения моей мамы тоже!

Кубинские артисты и звери радовались вместе со всеми. А самый большой попугай, несмотря на то, что был одной лапкой привязан к руке дрессировщика, слетел с нее и вдруг устремился к Андрею. Все замерли в ожидании — что будет? А попугай уселся на левое колено Андрея и что-то непонятное заговорил по-испански. Переводчик засмеялся и на плохом, но понятном русском, сказал.

Переводчик: Иди за мной. Слушай меня. Будешь долго жить.

Андрей застыл от удивления и автоматически ответил: «Пойдем!».

Дрессировщик в ответ засмеялся.

Дрессировщик: Я с Чико уже пятнадцать лет. И он все время повторяет эту фразу. Но сегодня он сказал ее по-особому.

Андрей хотел погладить попугая по голове, но тот растопырил крылья и начал приоткрывать свой большой крючковатый клюв. Андрей поостерегся.

Дрессировщик засмеялся: Мальчик! Это ему твой запах незнакомый. Еще раз протяни руку и все сделаешь.

Андрей послушал дрессировщика. И — о, чудо! — попугай разрешил себя погладить не только по голове, но и по телу, затем перелетел опять на руку дрессировщика, а затем забрался на его левое плечо и уютно прижался к его голове.

Все аплодировали Андрею. А он встал и раскланялся. В этот момент он почувствовал себя артистом.

1 июня 1990 года.

На центральной площади стояли семь автобусов с флагами Советского Союза и Кубы. Сразу после завтрака ребят начали рассаживать по автобусам.

Андрей первым подошел к автобусу и помогал своим товарищам войти в него. При этом он говорил.

Андрей: Первые два кресла справа не занимайте. Я поеду вместе с Денисом.

Ему согласно кивали в ответ.

Водитель Хуан просил каждого подойти к большому ведру, наполненному бананами. Жестами он показывал: мол, берите и кушайте!

Ребята сначала стеснялись, но Денис, который сам поднялся в автобус, держась за поручень, и ловко воткнул свое тело в кресло, скомандовал.

Денис: Андрей! Угощай всех! И чтобы никто не отказался.

Довольный Хуан пожал Денису руку.

Переводчик, он же волонтер, по имени Эдуардо, сообщил.

Эдуардо: Бананы — это подарок Хуана. Когда он узнал, что повезет советских детей на экскурсию, то решил сделать подарок из своего сада. Угощайтесь и будьте здоровы!

Все были тронуты. А Глеб и Борис, которые было затеяли фехтование на небольших кубинских бананчиках, засмутились от стыда. Хуан покровительственно помахал им: мол, я не сержусь. Конечно, все угощение было быстро съедено.

Пока ехали по Гаване, ребята с огромным интересом смотрели вокруг.

Волонтер Эдуардо пояснял. Едем мимо монумент Хосе Марти. На набережной Малекон ребята попросили остановиться. Они увидели крепость и были заинтригованы.

Эдуардо пошутил: В этих двух крепостях спрятаны мешки с золотыми монетами. Всем, кто вылезется, дадут по золотой монете на память.

Денис (с сомнением): А что, Куба такая богатая страна, что может дарить золотые монеты каждому гостю?

Эдуардо (посерьезнев): Хочу сказать тебе, молодой советский друг, что Куба богата друзьями, у истоков нашей дружбы стоят пламенные борцы за свободу людей: Че Гевара, Хосе Марти и два наших брата-руководителя Фидель и Рауль Кастро. А вместе с ними их соратники. И соратники эти — весь одиннадцатимиллионный народ Кубы.

Денис: Теперь я понял, в чем ваша уверенность, дружелюбие и готовность всегда помочь в трудную минуту.

Эдуардо: Меня учили в Советском Союзе на Южном Урале в городе Магнитогорск. Я окончил там индустриально-педагогический техникум профтехобразования. Познакомился со знаменитым выпускником техникума летчиком-космонавтом СССР, известным Героем Советского Союза. Его звали Павел Попович.

Все с почтением посмотрели на Эдуардо.

Эдуардо: Он жал мне руку и говорил, чтобы я крепил нашу дружбу между государствами.

За разговорами незаметно подъехали к Бульвару львов.

Эдуардо: Ребята! Сейчас вы погуляете по Пасео Прадо. Послушаете, как играют наши оркестры. Посмотрите веселый спектакль в театре имени Карла Маркса. Мы очень уважаем Карла Маркса. Вы знаете, кто это такой?

Андрей поднял руку: Это известный революционер, который был против капиталистов, ведь капиталисты угнетали людей и присваивали общие богатства себе. У нас почти в каждом городе есть улица или проспект Карла Маркса.

Эдуардо поощрительно улыбнулся Андрею.

(Ребята ходят по бульвару, глядят скульптуры львов, некоторые фотографируются возле них).

Пятилетний мальчик-кубинец сидит на лавочке с мамой и хнычет: Кушать хочу! Дай кушать!

Мама послушно открывает сумку и достает булочку и бутылочку с минеральной водой.

Мама: Возьми, Тобиас, скушай!

Но мальчик уже отвлекся и кушать ему не хочется. Потому что он увидел пятилетнего Антона, которого пытаются посадить на спину льва Глеб и Борис. У мальчиков это не очень получается, а Антон визжит от восторга и командует ими.

Антон: Братья белорусы! Помогите мне оседлать льва! А Денис делает фотографию! Я ее потом родителям pošлю! Правда, Денис?

Денис (кивает в ответ): Ребята, если вы устали, отдохните. А потом еще раз попробуйте посадить Антона.

Но мальчики не соглашаются сделать перерыв и продолжают свои попытки. Тобиас с булочкой в руках срывается с лавочки и подбегает к веселой компании. Мальчик говорит по-испански: Приветствую вас, старшие друзья. А этот мальчик ваш брат?

Глеб и Борис отрицательно качают головой.

Денис удивленно смотрит на говорящих: как Глеб и Борис поняли этого кубинского малыша?

А Тоник прекратил попытки подняться на льва и протягивает свою руку мальчику для знакомства.

Тобиас: Меня зовут Тобиас.

Антон: А я Антон из Советского Союза.

Кубинская мама с улыбкой наблюдает, сидя на лавочке.

Тобиас: Вы не можете поднять его, потому что устали и голодные.

Он делит булочку на три части и протягивает советским детям.

Антон автоматически берет булочку и начинает есть. Тобиас поощрительно улыбается.

Глеб и Борис, переглянувшись, возвращают свои куски Тобиасу.

Глеб: Нет, мальчик! Нам не надо! Ты сам маленький! Возьми и кушай, чтобы стать большим, как мы. Тоник! А ты прекрати есть, а то станешь толстым и тяжелым и мы тебя точно не поднимем.

Тоник начинает задорно смеяться.

Тобиас выставляет перед собой ладони и говорит.

Тобиас: Нет-нет, я не возьму! Я знаю, что у мамы есть еще одна булочка.

Он срывается с места и бежит к маме. Что-то говорит ей и она, выполняя его поручение, достает вторую булочку. Мальчик радостно хватает ее, благодарит маму и бежит обратно к своим новым советским друзьям.

Инициативу перехватывает Борис. Он делит булочку на четыре части. Тобиас благодарно получает свою долю и ест. Все смеются. Ребятам весело и хорошо.

Теперь уже Тобиас командует, когда мальчики, Глеб и Борис, вновь пытаются посадить Антона.

Тобиас: Уно, дуос!

И чудо произошло! Тоник разместился на спине скульптурного льва. Денис встает из коляски и делает несколько уверенных шагов. Лечение явно идет ему на пользу. Ребята делают несколько снимков.

Возбужденный и счастливый Тобиас подбегает обратно к маме.

Тобиас: Мама! Мама! Советские дети пригласили меня на спектакль! Ты отпустишь меня?

Мимо проходит волонтер Эдуардо.

Эдуардо: Достойный сын кубинского народа! Я видел, как ты познакомился с советскими детьми. Ты не жадный мальчик, у тебя доброе сердце. Конечно, пойдем вместе с нами на спектакль.

В это время на бульваре парами строятся остальные ребята. Антон на правах друга и ровесника берет заробевшего Тобиаса за руку и они общей колонной идут в театр.

Билетеры широко открывают двери. Находящиеся на бульваре кубинские дети криками подбадривают советских детей и дарят немудрящие сувениры: бананчики, конфеты, разные поделки, значки. Советские дети тронуты и с благодарностью принимают знаки внимания.

Андрей (вздыхая, говорит Денису): А вот Люба в хирургическом госпитале. Выздоравливает. Я вот бананчик и конфетку сберегу и ей передам, когда она вернется к нам в Тарару.

12 июня 1990 года

В палату к ребятам, когда они отдыхали после медицинских процедур, вбежал взволнованный Антон.

Антон: Денис! Андрей! Глеб! Боря! Только что видел, как в специальный медицинский корпус на второй этаж пронесли носилки с Любой. Она меня узнала, заулыбалась.

Ребята были возбуждены.

Андрей: Идем к Любе.

Пришли к специальному медицинскому корпусу.

У Дениса наступило улучшение. Парез лица с правой стороны спал и он оказался симпатичным парнем. Денис также стал двигать правым плечом, но ниже локтя рука висела как плеть. Он очень медленно ходил, но уже не падал. Денис встал с коляски и медленно пошел к охраннику. Тот удивленно смотрел на детей.

Охранник: Что хотите, советские дети? Где ваш Анхель? Врачи ушли на обед. Кто-то чувствует себя плохо?

Андрей оказался рядом с Денисом.

Андрей: Ола, Хорхе! Полчаса назад сюда привезли девушку. Это наш боевой товарищ Люба. Мы хотим ее навестить. Кто ее лечит здесь? Мы можем пройти в палату?

Охранник отрицательно покачал головой.

Охранник: Все контакты запрещены, она очень слабая. Идите обратно.

Тогда Андрей пошел на хитрость.

Андрей: Скажи, Хорхе! А где ее палата?

Хорхе подумал, а потом указал на одно из окон на втором этаже. Ребята поблагодарили и ушли.

Андрей (обращаясь к Денису): Месяц Любы не было. Пока анализы производили, потом к операции готовили. Слава Богу, жива.

Денис: Смотрите, кто идет! Это доктор Дуглас!

Из здания вышел невысокий человек в очках, слегка полноватый. У него была седая шевелюра. Он пошел в сторону ребят. Он был задумчив и смотрел в землю.

Борис (закричал): Буйнос диос, доктор Дуглас!

Врач поднял голову и заулыбался. Подошел к ребятам.

Доктор Дуглас: Да, Люба перенесла тяжелейшую операцию по пересадке костного мозга, но она очень просила вернуться обратно. Через девять дней после операции мы ее просьбу выполнили. Сначала она будет лежать, восстанавливаться, а потом наступит период реабилитации. Ребята, вы можете написать ей что-то, нарисовать. А во время послеоперационных процедур я ей буду показывать ваши послания.

Антон (важно сказал): Доктор Дуглас! Мне уже шестой год пошел. Я красивее всех пишу. Мы очень благодарим вас за вашу помощь.

13 июня 1990 г. 5 часов утра.

По дорожкам лагеря по направлению к специальному медицинскому корпусу осторожно идет невысокий шуленький мальчик. Это Андрей. Он ходит вокруг здания и что-то ищет. Вдруг его лицо расплывается в счастливой улыбке. Мальчик увидел стремянку. Лестница тяжелая, но он самоотверженно, как и подобает боевому муравью, сначала подтаскивает лестницу по земле, а потом ему удается прислонить ее к стене. Окно в палату приоткрыто. Мальчик наступает на нижнюю ступеньку, чтобы подняться вверх, но потом замирает. Оглядывается вокруг и видит красивую цветочную клумбу. С краю растет красивый пион. Андрей осторожно отламывает стебель, вставляет цветок за пазуху и медленно начинает подниматься.

Лестница заканчивается. Но рукой он может достать до подоконника. Андрей с

величайшей осторожностью вытаскивает цветок и кладет его на подоконник. Все. Дело сделано!

С величайшим вниманием он спускается вниз, так как уже устал, и дергает лестницу вбок. Уже у самой земли подхватывает ее и опускает. Смотрит на стену. Она чистая и гладкая — никаких следов нет. По песку он оттягивает лестницу обратно и она оказывается практически на том же месте, откуда он ее брал. Андрей ногой ровняет песок на аллее, чтобы не было видно следа от лестницы. Довольный, идет обратно к себе в корпус. На часах без пятнадцати шесть утра. Андрей раздевается и ложится в кровать.

Медицинская палата. 6 часов утра.

Входит медицинская сестра. Она бесшумно катит на специальном столике приспособления для смены капельницы. Люба спит чутко. Она приоткрывает глаза и смотрит на медсестру. Видит, что она удивленным взглядом смотрит куда-то влево. Люба поворачивает головку и видит большой пион, который лежит на подоконнике. Медсестра оставляет столик и быстро подходит к окну, перегибается и заглядывает вниз. Там никого, нет никаких следов, что кто-то был. Медсестра-кубинка удивлена, потому что никто в дверь не проходил. Она вопросительно смотрит на Любу. Девушка также вопросительно смотрит на медсестру и слегка пожимает плечами.

Медсестра: Люба! Добрый утро тебе! Какой красивый цветок пришел тебе пожелать хорошего дня. Но это не я.

Люба: Виктория! Пожалуйста, положите цветок на подушку возле меня. Я хочу чувствовать его аромат.

Медсестра: Конечно-конечно. Сейчас управлюсь с капельницей и сделаю это.

Завершив манипуляции, она опять подходит к подоконнику, берет цветок, кладет его на подушку возле Любы. Свободной рукой та медленно берет цветок и начинает его нюхать. Девушка счастливо улыбается.

Люба: Виктория! Я не знаю, как у вас на Кубе, а у нас в Белоруссии, если парень дарит девушке цветы, то тем самым он признается, что она нравится ему. Интересно, кому же нравлюсь я!

Медсестра Виктория: Думай, Люба! У нас на Кубе постоянно происходят разные чудеса. Может быть, это из Белоруссии кто-то тебе послал цветок? Вот ветер и принес.

Медсестра Виктория задорно смеется. А Люба счастливо улыбается. Гипотеза принята, но никто в нее не верит. Девушкам понятно, что это сделал кто-то из местных. Но вот кто?

Медсестра Виктория: Охранник Хорхе на это не способен. Он хоть и сильный и весит 120 килограммов, но у него четверо детей и ему уже 35 лет. Зачем ты такая молоденькая, хоть и красивая, ему нужна. А других вокруг я не вижу никого.

Люба прикрыла глаза и счастливо улыбается, время от времени нюхая цветок.

14 июня 1990 года. 5 часов утра.

Андрей тихонько встает с постели, одевает шорты и легкую футболку и в одних шлепанцах тихонько-тихонько выходит из палаты. Крадучись идет к корпусу, где лежит Люба. И не замечает, что за ним наблюдает садовник Педро.

Несмотря на почтенный возраст и невысокий рост, он очень сильный и трудолюбивый. А его седая шевелюра подчеркивает его мудрость.

Андрей идет привычным маршрутом и вдруг с удивлением замечает, что лестница прилонена к стене прямо под окном палаты, где лежит Люба.

На скамье возле цветника он замечает перчатки садовника, длинные ножницы и белую бумажную салфетку.

Андрей (негромко): А садовник Педро, видимо, забыл все это вчера. Или устал.

Ему даже не приходит в голову, почему же лестница прислонена так удобно. Он выбирает красивую розу, которая растет чуть дальше края, и умело срезает ее. Затем подтягивает цветок к себе, бумажной салфеткой обертывает розу, чтобы не кололась, и вставляет ее за пазуху. Уверенно поднимается по лестнице. Сначала она покачивается чуть-чуть, а потом вдруг перестает. Андрей увлеченно смотрит вверх и не видит, как внизу садовник Педро и охранник Хорхе удерживают лестницу. Они понимают чувства подростка и совсем не сердятся на то, что в прошлый раз он сорвал пион.

Андрей добирается до подоконника, подтягивается на руках и вскарабкивается на него. Он стоит на четвереньках на подоконнике, аккуратно достает цветок и вздрагивает: на него смотрит Люба и улыбается.

Андрей громко шепчет ей: Люба! Эта роза для тебя! Она самая красивая на цветнике. А раньше я подарил тебе пион. Ты видела?

Люба согласно прикрывает глаза и Андрей видит на прикроватной тумбочке вазочку, в которой стоит пион. Андрей добрасывает до кровати Любы цветок, потом достает конфетку.

Андрей: Люба! Мы первого июня ездили на экскурсию на Пасео Прадо. Я хотел подарить тебе банан и конфету, которыми меня угостили кубинские ребята. Но банан мог испортиться, и я его съел, а конфету принес тебе. Это очень вкусная конфета. Потому что она олицетворяет нашу дружбу. Тебе хорошо, Люба?

Девушка чуть слышно произносит: Очень, Андрюша, очень!

Андрей ногами обратно сползает на лестницу, нащупывает сначала одну ступеньку, потом вторую. Спускаясь, он по-прежнему смотрит вверх. На середине пути лестница начинает покачиваться. Но Андрей терпелив и осторожен. Он встает на землю. Тяжести и усталости не чувствует. Смотрит на лестницу. И думает о том, не положить ли ее туда, где она раньше была. Решает, что не стоит — лучше все оставить так, как есть.

Хорхе и Педро спрятались за углом и стараются не дышать. Если их обнаружат, будет неудобно. Мужчины переглядываются. Педро заговорщицки прижимает указательный палец к своим губам. Хорхе утвердительно кивает в ответ.

Андрей ничего этого не видит, он счастлив и быстрым шагом удаляется от корпуса.

14 июня 1990 года.

Валентине Павловне звонит классный руководитель Анна Ивановна.

Валентина Павловна: Анна Ивановна! Что у вас голос грустный?

Анна Ивановна: Меня только что вызывали к директору школы. Там была дама из райкома партии, Екатерина Станиславовна. Она возмущалась тем, что вашему сыну поставили отличные отметки за восьмой класс и он был освобожден от экзаменов. Требуется, чтобы ему предложили уйти из школы и выдали документы после восьмого класса.

Мы с директором стали возмущаться, а она говорит, что это указание первого секретаря райкома партии. И что если мы не выполним это указание, то нас ждут большие неприятности.

Валентина Павловна (по лицу видно, что разнервничалась): Анна Ивановна! Я же вам рисунки мальчика показывала недавно. Сын чувствует себя хорошо.

Анна Ивановна: Извините, что перебиваю, но эта Екатерина Станиславовна сказала, что мальчик вряд ли сам с Кубы приедет. Что будто бы дни его сочтены.

Валентина Павловна охает и в полубоморочном состоянии выпускает из рук телефонную трубку. Она еле успевает сесть на табуретку. Ее сознание помутилось.

Трубка свесилась почти до пола. Остатками сознания Валентина Павловна отмечает про себя, что хорошо, что провод тугой и трубка не ударилась о пол.

Из телефонной трубки слышен тревожный голос Анны Ивановны: Валентина Павловна! Отзовитесь! Валентина Павловна! Что с вами? Вам плохо? Вы одна дома?

Из спальни выходит заспанный Валерий. Ночью он занимался подработкой и разгружал ящики с трехлитровыми банками из вагонов. Он придерживает жену левой рукой, а правой хватает телефонную трубку.

Валерий: Алло! Что случилось! С кем я говорю?

Анна Ивановна: Здравствуйте, Валерий Михайлович! Это Анна Ивановна, классный руководитель вашего сына. Что случилось с Валентиной Павловной? Почему она не отвечает?

Полуобморочное состояние у Валентины Павловны прошло, она приоткрывает глаза, приваливается к животу мужа.

Анна Ивановна пересказывает Валерию то, что она сказала Валентине Павловне.

Валерий: Анна Ивановна! Мы в школу не придем. Документы сына не заберем. Переводите его в девятый класс. Когда у вас будет выпускной для восьмиклассников и десятиклассников?

Он внимательно слушает ответ, а потом говорит.

Валерий: Я завтра утром зайду в школу и возьму его свидетельство об окончании восьми классов. Оставьте, пожалуйста, секретарю конверт с документом и вкладышем. Запечатайте все в конверт и напишите на нем, пожалуйста — для Наумова Валерия Михайловича. Спасибо.

Он решительно вешает трубку на рычаг и сильными руками подхватывает супругу. Укладывает ее на диван. Дает ей лекарство, ставит холодный компресс на голову и преданно усаживается на краю дивана.

Валентина Павловна благодарно улыбается мужу.

Валерий: Ничего мне не говори. Я все знаю. По-ихнему не будет никогда. Думаю, что в девятый класс он пойдет уже самостоятельно.

Валентина Павловна прикрывает глаза и засыпает. Валерий ласково смотрит на жену, жалость видна на его лице. Он еле слышно шепчет.

Валерий: Валюшечка! Любимая моя! Сколько же тебе перетерпеть довелось! Мы уже больше четырех лет выхаживаем нашего сыночка! И обязательно выходим!

На следующий день Валентине Павловне стало хуже. Вызвали участкового врача. Та измерила давление, послушала почти нечленораздельную речь Валентины Павловны и тут же вызвала скорую помощь. Валентине Павловне сделали несколько инъекций, а потом прямо на дому поставили капельницу. В суете незаметно прошло три часа.

Участковый врач сказала, что, слава Богу, кризис миновал, и микроинсульта не было. Было просто спазматическое состояние, осложненное высоким давлением, развившимся на нервной почве.

Десять дней Валерий не отходил от жены, почти забросил хозяйство.

3 июля.

Пришла почтальон Клавдия и принесла небольшое письмо. Оно было из школы. Валерий торопливо разорвал конверт, воспользовавшись тем, что жена спала. Специально громко он произнес для удивленной Клавдии.

Валерий: Спасибо, что принесла варенье. Вот малинку и попробуем.

Сердце его колотилось, испарина выступила на лбу. Руки дрожали.

Почтальон Клавдия на правах двоюродной сестры вытащила листок бумаги из конверта. На нем от руки было написано: «Валерий Михайлович и Валентина Пав-

ловна! Благодарим вас за воспитание сына и поздравляем с окончанием восьмого класса с отличием. Извещаем, что он переведен в девятый класс нашей районной школы № 1. Фамилия и подпись директора и печать».

Валерий не выдержал и разрыдался. Вдруг он почувствовал приток свежего воздуха. В дверях стояла Валентина Павловна

Валентина Павловна: Валера! Что случилось? Ты как-то необычно плакал! Мы с тобой семнадцатый год живем и я впервые вижу, что ты плачешь!

Почтальон Клавдия радостно сказала Валентине Павловне.

Клавдия: Ваш-то, Андрюшечка! С отличием закончил восемь классов и зачислен в девятый. Молодец какой!

Валентина Павловна (выдохнула): Я ничего не понимаю. Это с Кубы письмо? У него все хорошо?

Клавдия: Нет, это со школы письмо пришло! А на Кубе у него все хорошо. Небось, с девчонками там заигрывает. Парнишке-то пятнадцатый год пошел — вовсе должен жениться.

Валерий вытер слезы и посмотрел на жену.

Валерий: Видишь, раз Клавдия говорит, значит, так оно и есть. Все улыбнулись.

5 июля 1990 года.

Андрей проснулся чуть раньше пяти утра от крадущихся шагов. Он притворился спящим и приоткрыл один глаз. По комнате осторожно ходил Денис. Он прошел сначала от одной кровати к другой, потом повернул назад. Счастливая улыбка блуждала на его лице.

Андрей возрадовался про себя. Чуть больше трех месяцев прошло, а Денис-то уже молодец! Теперь ему и коляска не нужна.

Денис приоткрыл дверь палаты, и Андрей услышал, как он стал спускаться по лестнице. И хотя спускался он медленно, но спускался сам!

Андрей слышал, как Денис потоптался на площадке первого этажа и стал подниматься обратно. Потом он эту процедуру повторил еще раз.

Андрей посмотрел на часы: пять утра, пора вставать. У него мелькнула шальная мысль.

Андрей: А не взять ли с собой Дениса для передачи очередного цветка Любе?

Когда Денис зашел в палату, Андрей поманил его к себе пальцем. Денис склонился над кроватью Андрея, который поделился с ним своим планом. Денис был очень польщен тем, что ему доверили тайну и он тоже будет в этом участвовать.

Андрей шел привычным маршрутом, а Денис, почти не прихрамывая, старался не отставать от него.

Выбрали цветок. Срезали.

Денис сказал: Я остаюсь внизу, а ты потихоньку поднимайся.

Андрей послушно кивнул в ответ.

Перед тем, как подтянуться и залезть на подоконник, Андрей взглянул вверх и вздрогнул от неожиданности: на подоконник облокотилась Люба и улыбалась своему ухажеру.

Андрей (взволнованно): Как, тебе разрешили вставать с постели? Здравствуй, Люба!

Люба (кокетливо): Да, Андрюшечка! Я же выздоравливаю! А где мой цветок? Ты должен поздравить меня по-особенному.

Андрей протянул ей цветок, затем взял левую руку и поцеловал. Люба зарделась от удовольствия. Она чуть-чуть подтянулась и поцеловала Андрея в щеку. Андрей потерял равновесие, но Люба успела ухватить его за ворот футболки. Та затрещала. Андрей успел уцепиться за край лестницы.

Люба: Завтра после завтрака меня должны выписать. Приноси футболку. Я виновата, я ее порвала. Я и зашью.

Андрей счастливо и глупо улыбался.

Люба: Адрюшечка! Коханный мой! Я порвала, я сама и зашью. Договорились? А теперь спускайся.

Она ладонью слегка ударила его по лбу.

Андрей: Люба! Мы тебя всем отрядом встретим, как всем отрядом и провожали.

Люба: Видишь, на улице очень жарко, 37—38 градусов. Зачем всех тревожить! Но ты узнай у доктора Дугласа: когда меня выпишут?

Андрей согласно кивнул.

Еще никогда он так быстро не спускался. Ему хотелось побыстрее поделиться радостью с Денисом.

Возле Дениса стоял садовник Педро. Он одобрительно похлопал Андрея по правому плечу.

Садовник Педро: Завтра твою красавицу выписывают. Она на поправку хорошо пошла.

Потом улыбнулся и добавил: Больше цветы никто срезать не будет. Видишь, новый костный мозг прижился, девушка поправилась. Сколько ей лет-то?

Андрей: Спасибо вам, садовник Педро! Значит, вы знали, но молчали?

Садовник Педро: У тебя такая любовь! Как же я мог вмешиваться! Я только поддерживал и помогал.

Из-за угла вышел охранник Хорхе.

Охранник Хорхе: Вернетесь в Советский Союз, обязательно женись на ней. Какая девушка хорошая! А сколько вы вместе с ней пережили!

Тепло попрощавшись с охранником Хорхе и садовником Педро, ребята пошли обратно к себе.

20 июля 1990 года.

После завтрака, пока Андрей дожидался своей очереди к тренажерам, к нему подошел вожатый Евгений.

Вожатый Евгений: Андрей! Ты устал?

Андрей: Нет, с чего бы это? Я просто задумался. Родителей вспомнил.

Вожатый Евгений: Ну и хорошо. 5 августа возвращаемся домой. Ты рад?

Андрей: Очень. Я чувствую себя сильным и здоровым.

Вожатый Евгений: Я смотрю, ты и вправду подросток.

Андрей: Ой! А кто же родителей предупредит? Кто меня встретит?

Вожатый Евгений: Ты об этом не беспокойся. Все будет нормально. А у меня есть предложение к тебе, Андрей. Ты же у нас комиссар. Давай перед отъездом устроим концерт художественной самодеятельности. Это будет наша благодарность всем кубинским друзьям, кто помогал нам и возвращал здоровье.

Андрей: Евгений! Это замечательная идея! А еще давайте устроим октябрятско-пионерско-комсомольский костер. Люба на мандолине хорошо играет. Надо только мандолину найти. Она четыре года в музыкальной школе училась. Я могу на фортепьяно сыграть — до болезни занимался музыкой. Денис замечательные фокусы показывать умеет. С картами и со стаканом. Тоника попросим стихи почитать. Глеб и Борис научились разные узлы завязывать и мгновенно развязывать.

Вожатый Евгений: Да у тебя целая программа уже намечается. Итак, на 3 августа назначаем концерт.

Два дня ребята рисовали афиши. Все жили предвкушением концерта.

Результаты лечения были налицо. Кто не мог ходить — стали ходить, кто был в

колясках — с колясок встали. Кто был слаб — выздоровели. Излечили болезни крови. А Люба после пересадки костного мозга стала певуньей всем на радость.

Доктор Дуглас восхищенно разводил руками.

Доктор Дуглас: Эти русские дети блестяще подтвердили правильность разработанной нами комплексной программы. Я горжусь вами.

С его выступления начался праздничный концерт.

Все были в восхищении от фокусов, которые показывал Денис. Он наливал в стакан настоящую воду, затем закрывал его платком, потом снимал платок, переворачивал стакан над собой, а вода не текла — ее в стакане просто не было.

Малыши, особенно Антон, подходили, опускали пальцы в стакан. Пальцы были мокрыми. А потом вода исчезала. Дети требовали еще и еще раз повторить.

Антон читал стихи о дружбе, о Ленине. Бурные аплодисменты вызвало прочитанное им стихотворение про Фиделя Кастро:

*У каждого из нас своя планида:
На белом фоне путь — узора гжель,
Но думаешь всегда про «ларга вида»
А в страсти нас объединил Фидель!*

*Страсть эта — в острове Свободы,
В энтузиазме напряженья сил,
В мечте, что снова обрели народы,
Дыша под взмахи многосильных крыл!*

*Мехам подобно раздуваем пламя,
Огонь наш воплощается в труде,
И революции в руках всполощет знамя!
Увидели его на всей земле!*

*Бородачи шагали в авангарде:
Карл Маркс и Энгельс, Ленин и Фидель.
И верили, что сила только в правде,
А революцию не посадить на мель!*

*У океана натиск исполина,
Но Куба с честью выдержит шторма!
Грядя преград тогда преодолима,
Когда верна дорога и пряма!*

*В мельканьи дат, событий и пристрастий
Не просто выбрать правильную цель,
Но созидает авениду счастья
Неукротимый искренний Фидель!*

Антон вызывали на бис. Он читал с выражением, с чувством. Память у мальчика прекрасная.

И советские дети, и кубинцы скандировали: «Вива, Куба! Грацио, Фидель! Мучо грацио, Куба!»

В конце вечера по заранее розданным листочкам ребята стали хором петь песню:

*Куба — любовь моя,
Остров зари багровой.
Песня летит, над планетой звеня —
Куба — любовь моя!*

*Слышишь чеканный шаг —
Это идут барбудос;
Небо над ними как огненный стяг —
Слышишь чеканный шаг!*

*Мужество знает цель!
Стала легендой Куба,
Вновь говорит вдохновенно Фидель —
Мужество знает цель!*

*Родина или смерть! —
Это бесстрашных клятва.
Солнцу свободы над Кубой гореть!
Родина или смерть!*

*Куба — любовь моя,
Остров зари багровой.
Песня летит, над планетой звеня —
Куба — любовь моя!*

Листочки не понадобились. Все пели наизусть. Во время исполнения песни дети были торжественны. Стихи выпевали с воодушевлением.

Потом зажгли прощальный костер. Один факел для зажигания вручили Андрею, а второй — доктору Дугласу.

Огонь разгорелся быстро под аплодисменты.

Дети плакали, смеялись, обнимались.

Обещали никогда не забывать кубинцев, которые вернули им здоровье и жизнь.

Костер прогорел, все стали расходиться по палатам. И вдруг неожиданно пошел дождь. Настоящий летний. Он был коротким, но очень сильным. Хорошо, что все уже успели разойтись, и никто не промок.

Днем 4 августа все собрались на центральной круглой площади. После построения и отдачи рапорта вожатый Евгений торжественно провозгласил.

Вожатый Евгений: Право опустить флаг предоставляется комиссару отряда Андрею Наумову.

Андрей отдал пионерский салют вожатому и торжественным шагом промаршировал к флагштоку. Зазвучал Гимн Советского Союза. Многие не сдерживали слез.

Раздалась команда волонтера Эдуардо.

Эдуардо: Рассаживаемся в автобусы!

Пятилетний Тоник старательно прятал в рукаве куртки маленький отросточек пальмы. Он пообещал, что посадит пальму у себя в городе Узловая Тульской области и она будет расти и станет большой, а он глубоким стариком будет сидеть под ней на скамье и вспоминать свое кубинское детство.

Кубинцы старательно делали вид, что не замечают, как Антон вывозит пальму. Вывоз пальм с Кубы запрещен, но ради ребенка пошли на нарушение.

Пришел доктор Дуглас с медсестрой Викторией и вручил каждому ребенку по значку с изображением Че Гевары и по фотографии Фиделя Кастро в паспорту. Дети с энтузиазмом прикалывали значки к ветровкам и футболкам. А фотографии бережно держали в руках.

В аэропорту была торжественная церемония проводов. Приехал советский посол, высокопоставленные кубинские товарищи. Все радовались выздоровлению детей и что никто из них не умер.

Андрей помог Любе подняться по трапу. Но Люба смеялась и шутливо отталкивала его левой рукой.

Люба: Андрей! Ну, не приставай же ко мне! Люди смотрят! Что скажут?

Довольный Андрей лишь улыбался в ответ, но Любу не отпускал.

Когда сели на места, Люба достала из сумочки адмиральскую фуражку. И одела ее себе на голову.

Люба: Андрей! А фуражка-то счастливая! Теперь у меня кровь хорошая. Через полтора года восемнадцать исполнится — приезжай свататься.

После ужина в самолете все постепенно уснули. Разговоры прекратились.

Андрею приснилась мама, которая стояла в аэропорту в легком клетчатом платочке в спортивном костюме и протягивала к нему руки. «К чему бы этот сон», — подумал Андрей и впал в забытие.

В Москву прилетели 5 августа в 11 часов утра.

Когда ребята стали выходить к встречающим, то увидели, что пространство вокруг огорожено, вдалеке толпятся родственники.

Денис построил отряд. Сдал рапорт вожатому Евгению. А тот, в свою очередь, министру здравоохранения СССР. Это была очень трогательная сцена. Министр в микрофон спросил у ребят после того, как поздравил их с успешным возвращением.

Министр: Кого вы должны благодарить за свое излечение?

Министр предполагал, что дети скажут «Советский Союз». Но ребята молча стали открывать паспорт и показывать фотографию Фиделя Кастро. Министр смешался. Скрасившая неловкость, оркестр заиграл туш.

Едва вожатый Евгений произнес команду «вольно», как родители и родственники бросились к детям. Андрей озирался вокруг и пытался глазами найти маму. Сквозь суматоху он все-таки разглядел ее. Она стояла вместе с отцом у дальней колонны в ожидании, когда суета пройдет.

Андрей подумал, что он, как комиссар отряда, должен проявлять сдержанность. Обнялись с Денисом, вокруг которого хлопотали мама и старшая сестра. Мама хотела посадить сына на коляску, он ей строго сказал.

Денис: Мама! Приедем домой — коляску выбросим. Она мне больше не понадобится.

Счастливая мама послушно кивала сыну.

Тоника встретили старшие брат и сестра. Его мама настолько разволновалась, что не могла выехать из Узловой. Если бы она увидела сына сейчас, в этот момент, то ее восторгам не было бы предела.

Глеба и Бориса встречали отцы — родные братья. Они прижали мальчиков к себе и не отпускали. Чувствовалось, что очень соскучились.

Много родственников приехало встречать Любу. Люба подвела к Андрюше маму.

Люба: Мам! Познакомься, пожалуйста! Это Андрей. Он заботился обо мне, пока я лечилась на Кубе.

Мама ласково посмотрела на подростка: А ты мне таким и приснился! Может, и зятем станешь. Андрей растерянно улыбался.

Стало посвободнее и Валентина Павловна с Валерием подошли к сыну. Андрей обратил внимание, что мама была в том же самом клетчатом платочке, в котором и провожала его.

Валерий перехватил взгляд сына.

Валерий: Мама сказала, что это счастливый платочек! Да ты подрос, сын! Молодец! Парнем становишься.

И крепко обнял Андрея.

Валентина Павловна внимательно и с каким-то удивлением смотрела на сына. Она заметила в нем множество положительных перемен. Она боялась увидеть безысходность, как раньше, в глазах Андрея. Мальчик почти четыре года цеплялся за жизнь, перебарывал болезнь, но она почти не отступала. А подвижки хоть и были, но очень маленькие.

Андрей встретился с ней глазами. И Валентина Павловна заулыбалась, потому что увидела совершенно другой взгляд сына. Это был взгляд человека, который уже начал выздоравливать. Валентина Павловна поняла, что сын не умрет. Она прижала его к своей груди, но не заплакала. Сторожко, как дикий зверь, она начала обнюхивать сына, как обнюхивает медведица детеныша, потерявшегося на какое-то время во время лесной прогулки. Сквозь заграничные запахи она почувствовала родное ощущение. Это был по-прежнему ее сын, но уже повзрослевший.

Валентина Павловна: Сынок! Андрюшечка! Вот и свиделись.

Андрей радостно, но в то же время устало сказал.

Андрей: Мама! Папа! Я так рад! Я так рад! Едемте скорее домой!

Валентина Павловна: Андрюшечка! Папа переживал, что самолет может задержаться по какой-либо причине, поэтому мы взяли билеты на вечерний поезд. Ты не сердись на нас, пожалуйста! У нас еще до отхода поезда много времени. Сейчас сядем в автобус, доедем до станции метро «Речной вокзал», потом на метро доедем до станции «Киевская». А там немного отдохнем в зале ожидания — и домой!

Андрей устало поморгал глазами, но возразил.

Андрей: Нет, мама! Сначала поедем на Красную площадь, а уже потом пообедаем и тогда поедем домой.

Родители перечить сыну не стали, тем более, что Андрей никогда не был на Красной площади.

6 августа 1990 г. 7 часов утра.

Андрей вышел на перрон райцентра первым и замер. Вокруг все вроде бы было также, как и перед его отъездом. Но не совсем так. Была распутица, кое-где в низине виднелись маленькие островки снега. А сейчас было буйное лето. Воздух пьянил от запаха яблок. Андрей прищурился и разглядел несколько ярко-красных плодов сквозь листву.

Проводница ласково улыбнулась мальчику и сказала.

Проводница: Какой-то у тебя, паренек, загар нездешний. А вокруг так оглядываешься, как будто сто лет не был дома.

Андрей восторженно улыбнулся проводнице.

Андрей: Вы правы. 125 дней отсутствовал — был в специальной командировке.

Та удивленно посмотрела на мальчика. Но ничего не сказала.

Валерий засуетился с такси. Но Валентина Павловна сказала.

Валентина Павловна: Сынок! Сейчас восьмой час утра, многие на работу идут. Сделай маме радость. Пройдись со мной по улице. Не спеша пойдем, к восьми придем. Там тебя уже и завтрак ждет.

Андрей: Мама! Раз ты просишь, то я с тобой пойду. Я совсем не устал — выспался в поезде.

На самом деле Андрей выглядел усталым, потому что на Кубе был уже двенадцатый час ночи, и его клонило в сон.

Андрей подошел к установленной на перроне водопроводной колонке и умылся.

Вдалеке Валентина Павловна увидела одну из своих товаров, которая с самого раннего утра пришла торговать. Женщины помахали друг другу.

Вдруг со спины Валентину Павловну и Андрюшу кто-то обнял. Они одновременно оглянулись и увидели Люду. Бывшая подшефная, а теперь уже здоровенная тетка ростом больше метр восемьдесят радостно затискала их. Она внимательно оглядела Андрея и сделала свое заключение.

Люда: Ого, Валентина! Какой у тебя жених вырос! Красивый, здоровый, спокойный.

Валентина Павловна не могла сдержать счастливой улыбки.

Валерий с сумками уехал домой на такси. А Валентина Павловна вместе с Андреем двинулись по привычной дороге пешком.

Андрей шел и думал о том, что всего четвертый раз за четыре года он выходил из дома и возвращался. Теперь он шел спокойно и уверенно. Он верил в то, что болезнь отпустила окончательно.

Валентина Павловна вся светилась от счастья. Напоминала человека, который после долгих, многолетних, изнурительных тренировок взойшел наконец на высшую ступень чемпионского пьедестала и рад тому, что он сделал для людей: показал свои возможности и призвал людей двигаться дальше по дороге жизни.

Андрей иногда украдкой поглядывал на мать и гордился тем, что доставил ей столько радости.

Валентина Павловна не замечала взглядов сына, а смотрела только вперед, но одновременно крепко держала его за руку.

Встретилось им человек восемь. Люди здоровались и внимательно разглядывали Андрея. Многие знали о беде, поселившейся в доме Наумовых, и предполагали, что когда-нибудь болезнь все-таки возьмет с собой Андрея. И вдруг все переменялось.

Зашли в дом. Бабушка Матрена Николаевна буквально повисла на шее внука и что-то невнятно бормотала.

Радость семьи была безмерной.

Андрей принял ванну, наскоро поел и ушел в свою комнату спать. Сил у него больше не осталось.

Валерий с Валентиной Павловной переглянулись.

Валерий: Валюш! Может, мне разобрать сумку сына?

Валентина Павловна: Пожалуйста, не делай этого. Он сам укладывал, пусть сам потом и разберет.

Валерий: Когда сын выспится, надо проверить. Помнишь, на косяке мы отметины делали. Рост Андрюши измеряли. Мне кажется, он хорошо подрос.

Валентина Павловна согласно кивнула головой.

Матрена Николаевна тоже закемарилась на диване в гостиной. У нее было блаженное, счастливое выражение лица. На нем читалось: внук вернулся домой и обязательно через четыре года и четыре месяца после болезни придет к бабушке в гости. Уж она его и попотчует. Раньше, когда мальцом был, по несколько раз на дню забегал.

Андрей проснулся поздно — около 16 часов по московскому времени. Все это время Валентина Павловна сторожко сидела в его комнате на стуле и наблюдала за ребенком. Выражение лица у него менялось несколько раз: то оно было безмятежным, то тревожным, то напряженным, то взволнованным. Валентина Павловна понимала, что сыну что-то снится и он переживает заново те или иные события своей кубинской жизни. Она еще не знала, что он ей и отцу расскажет, но уже чувствовала,

что трудностей там Андрею хватало. Но и радостей тоже было много. Андрей медленно открыл глаза и увидел перед собой маму, сидящую на стуле. Недоуменно смотрел на нее несколько секунд, а потом спросил невпопад.

Андрей: Мама! А ты как к нам в Тарару приехала? На самолете?

Валентину Павловну охватило отчаяние... Неужели сын не понимает, где он находится? Чем и как там его лечили?

Андрей посмотрел в одну сторону, в другую. Снова взглянул на мать и осмысленно улыбнулся.

Андрей: Ой, мама, я же дома.

Валентина Павловна встала на колени, подползла к кровати сына, уткнулась ему в грудь и зарыдала. Сквозь слезы она время от времени повторяла.

Валентина Павловна: Сыночек! Андрюшечка! Ты дома! Мы все вместе! Ты вспомнил нас? Сыночек! Андрюшечка! Мы дома!

В комнату сына вбежал встревоженный Валерий.

Валерий: Что случилось? Что случилось? Андрюша! Валя!

Валентина Павловна подняла заплаканное лицо.

Валентина Павловна: Все хорошо, Валерочка! Все хорошо! Просто Андрюша со сна спросил меня, как я на Кубе оказалась. А я уж по своей дурасти черт знает что подумала.

Валерий: Не надо так нервничать, Валечка!

Он подошел к кровати и наклонился над сыном, чтобы поцеловать его в щеку.

Мальчик от удовольствия зажмурил глаза и обнял обоих родителей. Затем сказал.

Андрей: Ну чего вы мне встать не дадите? Я кушать хочу! А потом к бабушке пойдем. Я вспомнил, как она мне утром сказала, что столько всего напекла-наготовила. Как мы можем ее подвести?!

Вечером пошли в гости к бабушке. Сын был весел, много шутил. Все были счастливы.

Когда уже начало темнеть в девятом часу вечера, засобирались обратно. Вышли. И недалеко от дома Валентина Павловна заметила заклятую подругу — помощницу первого секретаря райкома партии Екатерину Станиславовну.

Валентина Павловна: Андрюша! Отвернись-ка быстренько и спрячься за спину отца.

Она легонько толкнула сына в сторону. Мимо прошла Екатерина Станиславовна, покосилась на Валентину Павловну, но ничего не сказала, а Андрея просто не заметила.

Валентина Павловна: Уф! Пронесло! Та еще змея.

Андрей благодушно улыбнулся.

Андрей: Мам! Ну что ты в разные приметы веришь! Какая разница: ну, прошел мимо неприятный тебе человек. Что же, от него прятаться надо, сглазит?

Валерий (строго): Не спорь с мамой. Она тебе добра желает. Если ей кажется, что что-то не так, то ты ей не перечь. У нас городок древний. Всякое бывало.

Андрей удивленно посмотрел на родителей, недоуменно пожал плечами.

Задумчивые, все трое пошли домой.

Поздний вечер. Все спят.

Валентина Павловна в который уже раз рассматривает черно-белую фотографию, на которой изображен Фидель Кастро. Она старательно повторяет слово «барбудо». Андрей рассказал ей, что в переводе с испанского это означает «бородач».

Фидель и его товарищи в конце пятидесятых годов двадцатого века свергли прежнее правительство Кубы во главе с Батиста, который служил капиталистам в

США и превратил кубинский народ фактически в рабов. И совсем за небольшой промежуток времени (а в масштабах исторического времени это всего мгновение) страна преобразилась. Все люди, независимо от цвета кожи, стали свободными, их дети и внуки получили образование, многие учились в Советском Союзе. И хотя страну ограничили в общении с внешним миром экономической блокадой, все равно страна живет, радуется и строит социализм.

Валентина Павловна вспомнила, как сын сказал ей: «Куба дышит свободно, и это свободное дыхание слышат во всем мире».

Валентина Павловна перевела взгляд на божницу. Светилась лампадка. Валентине Павловне привиделось, как на нее с ласковой сердобольностью смотрит Богоматерь, баюкающая младенца.

Валентина Павловна испытала душевный подъем, ощутила легкость во всем теле. Она встала и слева от Богоматери вставила в божницу фотографию Фиделя Кастро. Справа от Богоматери еще много лет тому назад, когда Валентина Павловна только вышла замуж, находилась литография Андрея Рублева «Троица». Накануне свадьбы Валентина Павловна совершенно случайно увидела в журнале «Огонек» эту икону и посчитала данный факт благой вестью. И, хотя была комсомолкой, но все-таки вырвала ее из журнала и решила сохранить среди важных для нее вещей. А когда свекровь подарила икону, то она в горнице оборудовала божницу и поместила туда и литографию.

Матрена Николаевна дарила икону со словами: «Помни, Валентина! Богоматерь тебе и дом сохранит, и потомство у тебя будет, и все трудности переживешь, и в большой радости старость встретишь.»

Валентина Павловна отошла на несколько шагов от иконы, потом опустилась на колени и начала проговаривать лично ею сочиненную молитву: «Слава тебе, райская земля Куба! Слава тебе, Фидель Кастро! Слава вам, замечательные кубинские врачи! Мой приговоренный к небытию сын жив, и живет благодаря вам!»

Валентина Павловна три раза истово перекрестилась. Ноги налились свинцовой тяжестью, колени ломило. Она оперлась на край диван-кровати, побыла в такой позе около минуты, а потом медленно поднялась. Только сейчас она почувствовала, как устала за все эти годы, сколько перенервничала.

Она присела на диван-кровать и негромко сказала сама себе.

Валентина Павловна: Придет время, и все у Андрюши будет. И образование будет, и работа будет, и семья будет. А прошедших лет не жалко. Они во укрепление семьи ушли.

15 августа 1990 г.

Валентина Павловна делает очередную запись в своем дневнике: «Сегодня приходила Клавдия. Просила вернуть долг к 25 сентября. Ей исполняется 45 лет. Я сказала ей, что обязательно верну, и даже раньше. Нужно 170 рублей. Забьем последнего кабанчика, и попрошу Валерия купить четырех поросят. Хоть и не сезон сейчас, но что поделаешь. Одной Андрюшиной пенсии по инвалидности нам не хватает. Завтра опять пойду на перрон — торговать. Сейчас лето, народу едет много». Она положила ручку, уставилась взглядом в написанное, и слезы сами собой потекли по ее лицу. Семья так и не смогла пока выбиться из нужды. А деньги Валентина Павловна заняла для того, чтобы купить Андрюше костюм, три рубашки и галстук. На семейном совете решили, что 1 сентября он самостоятельно пойдет в девятый класс.

30 ноября 1990 г. Андрей с отцом приехали в Брянск. Заседание ВТЭК.

Сидят восемь врачей, перед ними стоит Андрей. В уголке большой комнаты сидит Валерий, слегка согнувшись и смиренно положив ладони на колени.

Председатель ВТЭКа: Как себя чувствуете, молодой человек?

Андрей: Чувствую себя бодро. Могу полететь в космос.

Председатель ВТЭКа: Вы написали заявление о том, чтобы с вас сняли инвалидность. Пишете в заявлении, что вам хорошо и вы вылечились.

Андрей: Так точно.

Председатель ВТЭКа (высокий худощавый мужчина лет 50 незаметно щурится, затем надевает очки и зачитывает последнюю фразу из заявления: «Зачем тратить деньги на меня, когда они могут пригодиться другим нуждающимся»).

Андрей: Я так думаю, товарищ председатель.

Председатель ВТЭК листает объемистую амбулаторную карту. Затем что-то тихо говорит сидящей слева от него женщине примерно его же возраста.

Председатель ВТЭК: Ваше желание понятно, молодой человек. Но я вам хочу возразить. Во-первых, у вас невысокий гемоглобин. Во-вторых, какой-то воспалительный процесс у вас в организме все-таки происходит, так как повышена скорость оседания лейкоцитов. В-третьих, прошу вас запомнить: вы еще ребенок, вам идет пятнадцатый год. Как будет дальше — никому не известно. Даже нам, врачам. И, в-четвертых, самое главное: вы подверглись радиоактивному облучению. Полное выздоровление невозможно. Я даже думаю, что вас нужно перевести на первую группу инвалидности.

Андрей растерянно смотрит на председателя.

Секретарь комиссии передает председателю какой-то бланк. Он с почтением берет его и читает. «Ну вот, молодой человек. Только что из Министерства здравоохранения СССР принесли извещение: в марте будущего года вас направляют повторно на Кубу. При согласовании списков очередной группы детей кубинские товарищи попросили включить и вас. У нас по Брянской области первый такой случай. Я предполагаю, что ваша болезнь интересна тамошним докторам».

Валерий вздрагивает и выпрямляется на стуле. Он не знает, как себя вести.

Андрей растерян: Но ведь мне гораздо легче. Я чувствую себя лучше.

Председатель комиссии недовольно смотрит на мальчика.

Председатель комиссии: Прошу мне не возражать. Здесь решаем мы, а вы обязаны подчиняться. Какое мнение будет у коллег по перекомиссии Андрея Валерьевича Наумова? Предлагаю назначить ему первую группу, тем более, что его сопровождает отец.

Все смотрят на Валерия, тот в растерянности ежится.

Председатель комиссии (продолжает): Вы учитесь в 9 классе? Сами посещаете занятия в школе? Как учитесь?

Андрей (еле слышно): Сам посещаю. Сам хожу пешком в любую погоду. Но меня сопровождает папа и встречает после занятий тоже.

Валерий согласно кивает.

Председатель ВТЭК: А когда приходите домой, что делаете?

Андрей (растерянно): Товарищ председатель, когда есть аппетит, то ем, а если нет — ложусь спать.

Председатель: В школе завтракаете и обедаете?

Андрей: Завтракаю дома, обедаю в школе.

Председатель: Выполняете все назначения советских и кубинских врачей?

Андрей: Да, лекарства принимаю регулярно. А раз в неделю по пятницам ко мне приходит медсестра, делает массаж ног и внутримышечный укол.

Председатель комиссии внимательно смотрит на мальчика и удовлетворенно кивает.

Председатель комиссии: Прошу членов комиссии проголосовать. Считаю, что

мальчику необходимо присвоить первую группу инвалидности, исчисляя с 1 декабря 1990 года. Второе: дать согласие на продолжение лечения на Кубе. Третье: перекомиссию провести через три года в период с 20 по 28 ноября 1993 года.

Все члены ВТЭК единогласно голосуют.

Секретарь комиссии: Благодарим вас за участие. Подождите в коридоре. В течение часа вам вынесут две справки. Одна — о присвоении первой группы инвалидности, а вторую справку передадите себе в район, в отдел соцобеспечения. Вам увеличат пенсию на 41 рубль.

Андрей и Валерий выходят.

20 марта 1991 г. Ленинград. Морской порт.

Валентина Павловна и Андрей с восхищением смотрят на морской лайнер. На борту поблескивает свежей краской надпись «Михаил Лермонтов».

Валентина Павловна: Застегни куртку, сынок! Еще не хватало, чтобы ты простудился. Видишь, на корабле поплывешь! Я так рада за тебя! Только будь осторожен и к бортам не подходи.

На пирсе суэта. Духовой оркестр из военных моряков пробует трубы. Почти 350 детей отправляются на лечение на Кубу.

Андрей ищет знакомые лица, но никого не находит. Среди его вещей и стопка писем от Любы. Валентина Павловна посоветовала взять их с собой, потому что корабль будет плыть больше шести дней и может быть скучно.

Андрей осунулся. Мама внимательно смотрит на него и гладит по щеке.

Валентина Павловна: Сынок! И четырнадцать лет ты встретил вдали от дома, и пятнадцать тоже встретишь на Кубе. Это к счастью. Жаль только, что досрочно за девятый класс все сдавал.

Мальчик улыбается маме.

Андрей: Зато у нашего класса каникулы после третьей четверти начинаются.

Валентина Павловна: А ты теперь досрочно десятиклассник, сынок!

Андрей: А Глеб с Борисом в Жлобине остались. Они мне к 23 февраля открытку прислали. А у Тоника из Узловой никаких рецидивов больше нет. Но он тоже на инвалидности. У него вторая группа. А Люба окончила десять классов и пока нигде не работает. Ей скоро восемнадцать. В июле будет.

Валентина Павловна (досадливо машет рукой): Андрюшечка! Лекарства принимай регулярно. Пей там молоко из кокоса, высыпайся. И обязательно пиши мне. Сам же слышал, на собрании сказали, что раз в десять дней можно писать письма. Я тебе тут бумагу положила и 50 конвертов. Пожалуйста, выздоравливай окончательно.

Мать целует сына, они прощаются. Андрей по сходам не спеша поднимается на корабль. На верхней площадке оборачивается и машет маме рукой. За ним идут другие мальчики и девочки. Многих ведут сопровождающие.

Андрей проходит в свою каюту. Ложится и отворачивается к стене. Его охватила паника. Ему кажется, что раз он снова едет на Кубу, то значит в нем притаилась какая-то болезнь, которая может изъесть его изнутри. Это какое-то невидимое существо, которое неслышно входит в него, растекается по крови и губит его внутренности.

Андрей открывает глаза, машет головой из стороны в сторону, отгоняя от себя навязчивое состояние, и негромко повторяет слова отца: «Ты обязательно вылечишься, сынок!»

Андрей еще не знает того, что родители снова занимали деньги для поездки в Ленинград. Обратная дорога будет ехать домой больше двух дней и питаться домашними пирожками и бутербродами с сыром, чтобы сэкономить. Каждый месяц почти сто рублей уходит на лекарства, несмотря на то, что их предлагают с большой скидкой, а некоторые лекарства предоставляют бесплатно.

После первого возвращения Андрея с Кубы отец четыре раза ездил в Москву, где ему в известной больнице шли навстречу. А последний раз отец накупил лекарства на три месяца вперед. С учетом поездки на Кубу.

27 марта 1991 г. Морской порт Гаваны.

Больных советских детей пришли встречать тысячи кубинцев. Большой молодежный оркестр играл зажигательные кубинские мелодии.

Андрей спустился на берег и вдруг увидел знакомое лицо. Высокий черноволосый смуглый парень лет тридцати расставлял кубинских пионеров, которые держали в руках цветы.

Андрей напряг память и вспомнил, и даже негромко выкрикнул.

Андрей: Это же волонтер Эдуардо, который учился в городе Магнитогорске на Южном Урале на мастера производственного обучения, чтобы потом учить будущих сталеваров.

Волонтер Эдуардо обернулся и радостно завопил.

Эдуардо: Буэнос диос! Комиссар Андрей!

Он вырвал у опешившего кубинского пионера цветы и в несколько прыжков оказался возле Андрея. Крепко обнял его.

Эдуардо: Ты теперь наш, кубинец! Привет!

Кубинские пионеры стали махать Андрею букетами цветов. Андрей был смущен.

Приветственных речей практически не было, советских детей рассадили по автобусам и повезли в Тарару.

Андрей с волнением смотрел, как поднимают советский флаг. В этот раз его поднимала русоволосая девушка, его ровесница — Таня из Калужской области.

Она волочила левую ногу, но когда стояла, то физического недостатка не было видно.

Таню избрали командиром отряда очередной смены, отряд назвали «Дети Чернобыля».

Вперемежку слышалась русская, белорусская, казахская и украинская речь.

Волонтер Эдуардо спросил у Андрея: Ты хочешь снова быть комиссаром?

Андрей: Как я могу отказаться!

И снова начался уже привычный для Андрея распорядок дня. Утром и вечером — посещение океанского пляжа, медицинские процедуры, лечение, занятия на тренажерах.

Доктор Дуглас назначил Андрею углубленное обследование. Через десять дней назначил процедуры.

Доктор Дуглас: Не переживай, Андрей, что мы тебя снова пригласили. Мы смогли использовать новые методики в отношении тебя и хотим убедиться, что болезнь ты окончательно победишь. Очень хорошо, что ты приехал.

Андрей успокоился. Хотя все дни, пока проходил обследование, переживал, потому что не был уверен, что его излечат и все будет хорошо.

15 апреля 1991 года. Раннее утро.

Андрей проснулся раньше остальных ребят и решил погулять по лагерю. На встречу ему, широко раскинув руки и улыбаясь, шел садовник Педро.

Педро: Здравствуй, Андрей! Я вчера увидел волонтера Эдуардо и он сказал мне, что ты приехал снова. Я специально ищу тебя. Кстати, у нас большая радость на Кубе. Семьдесят лет тому назад кубинец стал чемпионом мира по шахматам. Победил он Эммануила Ласкера, великого гроссмейстера. Ты знаешь имя нашего чемпиона?

Андрей растерянно пожал плечами. И начал говорить.

Андрей: Про Ласкера слышал, про Алехина. Знаю Ботвинника, Михаила Таля, Бориса Спасского и Анатолия Карпова. И еще нашего последнего чемпиона мира — Гарри Каспарова.

Педро похлопал Андрея по спине: «Запомни нашего чемпиона. Это был третий чемпион мира — Хосе Рауль Капабланка».

Андрей (увлекшись): А давайте проведем турнир в Тараре, посвященный этому юбилею.

Педро: Так можно ведь и нас, кубинцев, тоже пригласить играть.

Андрей (отрицательно покачал головой): Нет, будут играть только советские дети. Это наш подарок вам.

Во время завтрака в столовой Андрей объявил свое предложение. Вместе с ним записались двадцать человек — в том числе и четыре девочки.

Руководитель лагерной смены Мигель перед началом первой партии пообещал.

Мигель: Трое лучших поедут на центральное гаванское кладбище.

Все в недоумении замерли.

Волонтер Эдуаро что-то сказал начальнику Мигелю.

Тот смутился и пояснил.

Мигель: Ничему не удивляйтесь и не бойтесь! На центральном кладбище Гаваны стоит склеп, в котором покоится наш чемпион Капабланка. Мы приедем прямо туда, возложим цветы. Итак, кто трое наберет больше очков, тот будет ехать.

Начали играть. Когда командир Таня сделала очередной ход, то Андрей поманил ее пальцем.

Андрей: Послушай меня, Таня! Я тебе как комиссар говорю. Будет обидно, если поедут только трое, а остальные останутся в лагере. Всем нужны хорошие впечатления.

Татьяна: И что надо делать?

Андрей: Тихонько подойди ко всем и скажи, чтобы все со всеми сыграли вничью. Тогда поедет все вместе, потому что у всех будет одинаковое количество очков.

Татьяна лукаво улыбнулась: Замечательная идея. Давай ее осуществим.

Среди детей был мальчик из города Фастов. Он хорошо играл в шахматы, как потом узнал Андрей, был кандидатом в мастера. Мальчик категорически отказался от предложения Тани. Ему было одиннадцать лет, но он уже был упертый и с гонором. Андрей подошел к играющим и заметил, что у соперника Богдана остались только король и две пешки, а у Богдана были ладья, ферзь, король и пешка. Богдан в предвкушении победы специально делал затягивающие ходы. Андрей строго посмотрел на него и из-за спины играющего с ним показал кулак. Богдан заволновался.

Так как дети играли в шахматы без часов и лимита времени для них не существовало, то он попросил своего соперника объявить перерыв, сославшись на то, что ему нужно сходить в туалет. Парнишка обреченно кивнул головой в знак согласия и огорченно посмотрел на шахматную доску.

Когда вышли из зала, Богдан стал возмущенно говорить.

Богдан: Шо це такэ? Я возмушон! Ты чего мени пугаешь?

Андрей: Все со всеми договорились играть вничью во всех партиях. Турнир будет проходить десять дней. Не вздумай ни у кого выиграть и кому-либо проиграть.

Для пущей убедительности Андрей сжал кулаки и выставил правое плечо вперед.

Богдан испугался. Он опустил взор в знак согласия.

Андрей решил проверить, как подействует его указание. Он снова встал за спиной соперника. Богдан, не соединив в одну линию ферзя и ладью, вдруг срубил пешку своего соперника и объявил шах. Мальчик удивленно огляделся по сторонам, не веря своему неожиданному счастью. И быстро королем забрал ферзя Богдана. Богдан

огорченно взмахнул руками и как будто бы в неведении поставил свою ладью с королем противника: еще один шах. Тот тут же срубил и ладью.

У обеих сторон осталось по королю и пешке. Богдан, сделав расстроенное лицо, выкрикнул.

Богдан: Шо же мени покусало! Треба дозволить ничью.

Соперники пожали друг другу руки.

План Андрея сработал. На закрытии турнира начальник лагерной смены Мигель очень удивился: всем двадцати участникам пришлось выдавать грамоты и подарки. Но это кубинцев не смутило.

22 апреля 1991 года, в день рождения Владимира Ильича Ленина все поехали на гаванский пантеон.

Советских детей совсем не смущал некрополь. Они с интересом разглядывали памятники. Автобус подвез их прямо к склепу Хосе Рауля Капабланки.

Ребята в красных галстуках вышли и в сопровождении волонтера Эдуардо возложили гирлянду цветов. Отдали пионерский салют.

Вдруг они обратили внимание на то, что на них смотрит высокий, полноватый, но в то же время крепкий мужчина. Он подошел к детям и заговорил по-русски.

Мужчина: Здравствуйте, ребята! Вы из Советского Союза? Как оказались в Гаване?

Андрей: Здравствуйте! Мы приехали в лагерь Тарара лечиться. У нас состоялся шахматный турнир, посвященный 70-летию завоевания звания чемпиона мира по шахматам кубинцем Хосе Раулем Капабланкой. А вы как здесь оказались? И кто вы?

Мужчина (улыбаясь): Давайте знакомиться: меня зовут Виктор Широков. Я — известный советский поэт, переводчик и критик. Тоже люблю играть в шахматы. Приехал в Гавану в творческую командировку и решил обязательно возложить цветы.

Он показал рукой на скромный букет.

Виктор Широков: О! Я пять минут тому назад, до вашего приезда, написал стихотворение, посвященное памяти Капабланки. Ребята, хотите быть первыми слушателями?

Громкое «да» было ему ответом.

Виктор Широков достает из кармана брюк небольшой листок бумаги:

*Дождь шел неспешно, резво топал,
швырял дождевики вкривь и вкось...
В Гаване мы зашли в некрополь,
верней — проехали насквозь.*

*Здесь поразительны кварталы
фамильных склепов и гробниц;
глядят безжалостно порталы
прорезами своих глазниц.*

*Вывертываясь наизнанку,
ждут слящие приход Суда...
Хосе Рауля Капабланку
мы навестить пришли сюда.*

*Он понял, что вся жизнь двуцветна,
что редко радуется ничья;*

*и мы, поверив беззаветно,
чуть ли не плачем в три ручья.*

*Хосе Рауль, прими в подарок
хотя бы скорбные цветы...
А день еще настолько ярок,
и столько в мире суеты,
что вновь не до вселенской стыни,
где каждый спящий одинок;
для шахматного короля отныне
в душе есть тоже уголок.*

Ребята слушали очень внимательно. Командир отряда Таня расчувствовалась, подошла к Виктору Широкову, сняла свой красный галстук и повязала ему.

Таня: Мы вас принимаем в наши почетные пионеры.

Ребята отсалютовали смутившемуся поэту.

Обратно в автобусе все ехали молчаливые. Знакомство с поэтом и его выступление произвели на ребят большое впечатление.

Волонтер Эдуардо: Ваш советский поэт живет в Москве. Приехал на Кубу. Но помнит про нашего чемпиона. А ведь он стал знаменитым в далеком 1921 году. Вот как надо всем жить, чтобы вас всегда помнили и уважали.

Богдан (встрял): То, шо мы вместе,— це хорошо. Но погано то, шо поехали уси вместе.

В салоне автобуса наступило неловкое молчание.

Андрей поправил ситуацию. Он достал из кармана сложенный вчетверо лист бумаги, расправил его, подошел к Богдану и показал.

Андрей: Смотри, Богдан! Все заняли первое место, так что никаких претензий быть не может. И ты прав, Богдан, что хорошо, что мы все вместе.

Богдану стало стыдно и он покраснел.

Пока ехали в автобусе, командир Татьяна что-то записывала.

Андрей: Таня! Что ты все пишешь?

Татьяна: Андрей! Я запомнила стихотворение с одного раза и сейчас его записываю. Хотите еще раз послушать?

Когда она закончила читать стихотворение, автобус подъехал к воротам лагеря Тарара.

Богдан: Таня! Ребята! Я хочу перед вами всеми извиниться. А ты мне разрешишь переписать стихотворение? Я, когда лечение закончу, приеду домой на Украину и буду его читать наизусть.

Со всех сторон послышалось: и мне, и мне, и мне дай переписать.

Татьяна утвердительно ответила: Обязательно дам! И еще конкурс устроим, кто это стихотворение лучше всех прочитает.

5 июня 1991 года. Морской порт Гаваны. Торжественные проводы.

Андрюша с ребятами выстраиваются для прощальной церемонии.

В руках у ребят пятнадцать свертков, к каждому из которых прикреплены по четыре воздушных шарика.

Раздается команда: К отплытию!

Андрей машет рукой: Давайте! Пора запускать!

Ребята расправляют свертки и пятнадцать простыней взмывают в небо. Кубинцы потрясены и тронуты до глубины души. Они видят изображения Фиделя Кастро,

Рауля Кастро, доктора Дугласа, волонтера Эдуардо, охранника Хорхе, садовника Педро, начальника лагеря Мигеля...

Советские дети в едином порыве кричат: Ура! Да здравствует Куба!

Огромный лайнер медленно отплывает от причальной стенки, а кубинцы еще долго машут ему вслед.

11 июня 1991 года. Морской порт Ленинграда.

Моросит мелкий дождик. Но встречающих очень много.

Андрей стоит у борта и ищет глазами фигурку в клетчатом платочке. Когда находит, то не может сдержать своей радости, машет руками и кричит. Другие советские дети следуют его примеру.

Вспышка. Мартовский день 2007 года.

В доме Наумовых за столом сидят адвокат, Валентина Павловна и бабушка Матрена Николаевна.

Адвокат смотрит на часы: О, в 20.15 поезд на Москву! В семь утра приеду!

Валентина Павловна всплескивает руками: Ой! Я тоже пойду с вами. Может, еще что-нибудь продам. До девяти вечера постою.

Она быстро и умело начинает чистить картошку и продолжает свой рассказ: «Андрюшенька школу с серебряной медалью закончил. Решил поступить в Московский инженерно-строительный институт. На заочное отделение. Как медалиста, его взяли без экзаменов. В приемной комиссии все удивлялись: а чего он на дневное не хочет? Но мы причину говорить не стали».

Агриппина Самойловна справку сделала по форме 286-У, что он полностью здоров. Конечно, грех на душу взяла, но... все хорошо.

Институт он окончил с отличием.

Адвокат улыбнулся: А как бы хоть посмотреть на вашего отличника?

Матрена Николаевна: А он сейчас с молодой женой в Подмоскovie отдыхает. В санатории. Они прибавления ждут.

Адвокат: Расскажите поподробнее, интересно.

Валентина Павловна продолжает чистить картошку и рассказывает: На работу Андрюшеньку нигде не брали. У нас здесь не слухавишь: все всё друг про друга знают. Так Андрюшечка стал комоды делать, этажерки, стенки. Валерий ему на первых порах помогал.

Адвокат неловко перебил рассказчицу: А почему на первых порах помогал, а потом не стал?

Валентина Павловна (горько вздохнула): Не выдержало у него сердце и в 2001 году навсегда проводила я мужа туда, куда судьба хотела загнать нашего Андрюшечку. Это сейчас, шесть лет спустя, я подуспокоилась. А так — часто плакала, плакала.

Матрена Николаевна тяжело вздохнула: тяжело жить без сына, без его поддержки, помощи и внимания. Но спасибо снохе Валентине — всегда заботится и внимательная.

Валентина Павловна: а в июне 2006 года у нас радость случилась. Сижу я на кухне, картошку чищу для продажи. И вдруг звонок. Вышла, открыла калитку, а там девушка стоит. Симпатичная. С чуть раскосыми глазами, черноволосая, стройненькая. Правда, ниже меня росточком. Я в душе растерялась, но виду не подаю. Она у меня интересуется: Наумовы здесь живут? И можно ли увидеть известного мастера-краснодеревщика Андрея Валерьевича Наумова? У меня аж сердце от радости захолонуло. Как-никак, а добрая слава о моем сыне идет. Пригласила я ее в дом. Из сарая Андрюшечка пришел — как раз этажерку заканчивал для местного музея реставри-

ровать. Девушка по имени Айгуль стала ему шкатулку показывать. Шкатулке больше ста лет. Резная, деревянная. Но что-то там сломалось: не до конца открывается. Поинтересовалась у Андрея: мол, сделает ли? Андрей стал шкатулку рассматривать, обдумывать что-то. Они разговорились. Я быстренько на стол собрала им в гостиной, а сама опять на кухню. Вдруг слышу, а они в четыре руки песню играют. Детская такая песня, смешная. Там слова такие есть:

*«У дороги чибис, у дороги чибис.
он сидит, волнуется, чудаки.
а скажите, чьи вы, а скажите, чьи вы...».*

Я эту песню давно знаю, когда Андрюшечка в семь лет в музыкальную школу пошел, чтоб на фортепьяно играть учиться. Музыку композитор написал, Дмитрий Борисович Кабалаевский. Они играют в четыре руки, смеются, поют. А я сижу на кухне и беззвучно рыдаю. Хоть бы им счастье было. Хоть бы они вместе стали. А то ведь за Андрюшечку ни одна наша девка не шла: кто-то пустил слух, что порченный он и потомства у него не будет.

После этих слов Матрена Николаевна тяжело вздыхает.

Адвокат: Так ведь ваш сын переписывался с девочкой из Гомеля, с которой он вместе ездил на Кубу весной 1990 года? У них не сложилось пожениться?

Вспышка.

Андрей сидит в своей комнате и пишет письмо Любе. Он сообщает ей, что окончил десятый класс и будет поступать в Москве в институт учиться заочно.

Не удержался и приписал: «Люба! Я окончил школу с серебряной медалью. Золотую мне почему-то не дали. Хотя аттестат у меня с отличием. Сейчас чувствую себя не очень хорошо. Возможно, устал после экзаменов. Но через неделю поеду с мамой или с папой в Москву. Люба! Как у тебя дела? Помнишь ли и ты о своем обещании выйти за меня замуж, когда мне в мае будущего года исполнится 18 лет? Я очень жду твоего ответа. Моя мама говорит, что, пока я несовершеннолетний, то жениться не могу. А тебе идет уже двадцатый год.

Через полмесяца почтальон Клавдия принесла заказное письмо. Оно было нестандартное, толстое. И чувствовалось, что в нем лежат какие-то фотографии.

Почтальон Клавдия: Танцуй, племянник! Тебе невеста из Белоруссии вон какое письмо прислала! Раньше тоже были пухлые письма, но в стандартных конвертах. А сейчас...

Андрей выносит шоколадку «Лужники» и вручает ее тете. Она смеется и целует племянника в щеку. Уже выйдя на улицу, почтальон Клавдия задорно говорит ему.

Почтальон Клавдия: После родителей и бабушки Матрены Николаевны я — первая по списку среди приглашенных. Договорились?

Андрей (широко улыбается): Конечно!

Прямо во дворе на лавочке он аккуратно распечатал письмо. Там был с десяток снимков. Все — цветные. Он взял одну из фотографий и вздрогнул: высокий широкоплечий светловолосый парень обнимал Любу за плечи. А уж она-то была как хороша! В белом свадебном платье, в фате. И белые перчатки до локтей.

Андрею стало очень грустно. Он решил дальше не рассматривать. Положил на скамью письмо. Он почувствовал, будто бы его предали.

Вдруг он услышал звонкое щебетанье. Воробей насакивал на синичку, а та запрыгнула безбоязненно Андрею на колено и стала в ответ что-то пищать воробью. Тот не осмелился преследовать ее, а вспорхнул и улетел. Андрей замер. А синичка

несколько секунд потопталась на его колене, потом перелетела на другое и — улетила прочь.

Эта ситуация позабавила Андрея. Он посмотрел на траву и увидел под скамьей листочек бумаги. Поднял его. Это была небольшая записка от Любы, которую он выронил, когда смотрел фотографию.

Андрей (читает вслух): «Здравствуй, дорогой Андрюшечка! Ты не считай меня, пожалуйста, предательницей. Но из армии вернулся Дима, наш сосед. А я не знаю, сколько мне отпущено судьбой времени. Да и Дима мне понравился. Скоро мне будет двадцать лет. Наш областной специалист по радиологии, который наблюдает меня с начала болезни, поддержал меня с замужеством. Но я хотела бы, чтобы ты был моим названным братом, а я — твоей названной сестрой. Мы будем дружить. Нас познакомила общая беда, замечательные кубинские врачи. Я хочу и даже прошу тебя понять меня. Всегда верящая тебе и любящая тебя Люба».

В письме на оборотной стороне он обнаружил приписку: «На свадьбу не пригласила, потому что все получилось быстро — за 10 дней. В ЗАГСе тоже пошли на встречу».

Вдруг кто-то обнял Андрея сзади за плечи. Через мгновение он догадался, кто это и негромко спросил: Мама?

Валентина Павловна поцеловала сына в макушку, обошла скамью и села рядом с ним. Обняла сына и прижала к своей груди.

Валентина Павловна: Сынок! Ты давай в институт поступай. А семья у тебя обязательно будет.

Сын доверчиво посмотрел в мамино лицо и встретился с ней глазами.

Валентина Павловна: Андрюшечка! А ты обязательно Любе письмо напиши. Красивую открытку вложи. Поздравь! Я уверена, что вы останетесь друзьями на всю жизнь. И пусть эта жизнь будет долгой.

Валентина Павловна пригорюнилась и задумалась. Она хотела сказать сыну, что судьба рассудила правильно, что Люба и Андрей подверглись радиоактивному облучению, что неизвестно, как бы все сложилось дальше в их совместной жизни. Но она не сказала этого, чтобы не огорчать Андрея.

1 июня 2007 года.

Валентина Павловна суетится по дому. Андрей в строгом темно-синем костюме, в белой рубашке и галстуке стоит посреди комнаты. Матрена Николаевна время от времени всплескивает руками и с восторгом смотрит на внука.

Наконец вся семья готова к торжественному выходу. У калитки сигналият два таксомотора.

Валентина Павловна просит Матрену Николаевну.

Валентина Павловна: Матрена Николаевна! Я вас прошу сесть в первую машину, а мы с Андрюшечкой во вторую.

Бабушка не соглашается. И хочет, чтобы все вместе поехали в одной машине, а вторая ехала следом.

Андрей со смущенной улыбкой уселся на заднем сиденье с мамой. Таксисты аккуратно поехали к единственному в городе районному роддому. Остановились у трехэтажного здания, окруженного металлическим забором.

Валентина Павловна вышла первая. Помогла выйти свекрови. Таксисты с любопытством наблюдали за процессией.

Валентина Павловна обняла и расцеловала сына: Ну вот, Андрюшечка! Теперь и ты стал отцом! Запомни: 11 часов утра 1 июня 2007 года. Забираем твоего сына и твою любимую жену Айгуль.

Прошли на территорию роддома. Зашли в вестибюль. Вышел главврач и улыбнулся.

Главврач: Поздравляю! Мальчик-то богатырь. Вес — четыре с половиной килограмма, а рост 53 см. Девушка-то вроде шупленькая, а какая молодец.

Благодарная Валентина Павловна дарит конфеты и красивую книгу. В книге конверт с деньгами.

Главврач понимает, что это за подношение, но делает вид, будто не догадывается.

Он дает указание медсестре, а две акушерки стоят чуть поодаль. Женщинам под сорок и они удивительно похожи друг на друга. В строгих медицинских халатах, под специальными шапочками спрятаны волосы.

Матрена Николаевна одаривает и их.

В это время в вестибюль забегает фотограф. Одетый в джинсы и легкую рубашку-поло парень лет 25-ти на ходу открывает два фотоаппарата.

Фотограф: Как хорошо, что я успел! Такое событие нужно обязательно запечатлеть.

Андрей (дружелюбно): А мы бы без вас никуда и не уехали. Как без памятных фотографий дальше бы жили?

На лестнице появляется Айгуль. Она идет очень осторожно, ее придерживает за правый локоть медсестра. Андрей суетится с шампанским.

Фотограф начинает выполнять свою работу.

Все выходят на крыльцо роддома, и фотограф делает общие снимки.

Айгуль бережно держит конверт с младенцем на руках. Слева от нее — Андрей. Рядом с ним Валентина Павловна. Справа от счастливой молодой матери — бабушка Матрена Николаевна.

Памятный снимок сделан. Айгуль передает конверт с сыном Андрею. Молодой отец напряжен. Валентина Павловна приподнимает прозрачную кисею и любуется внуком. Толстенький розовощекий крепыш открывает глазки и осмысленно смотрит на бабушку, чем умиляет Валентину Павловну еще больше.

Медленно идут к машине. Андрей с сыном и Айгуль усаживаются на заднее сиденье первого такси, а Валентина Павловна со свекровью — во второе.

ВСПЫШКА. 20 мая 2007 года

Следователь подшивает к делу постановление прокуратуры о прекращении производства по уголовному делу. Напротив него сидит адвокат. Чуть поодаль сидит молодой парень и подбостранно смотрит на следователя. Следователь, почти ровесник подследственному, неторопливо и аккуратно заканчивает свою работу и захлопывает папку. Встает и доброжелательно говорит.

Следователь: Уважаемый адвокат и вы, гражданин Иннокентьев. Производство по делу прекращено. Никому ущерб вы не нанесли, ничего не похитили.

Затем строго смотрит на адвоката: «Видите ли, уважаемый адвокат. Я дело прекратил не потому, что он не виновен, а потому, что недостаточно улик».

Адвокат торжествует в душе, но делает скорбное лицо.

Адвокат: Я вас понимаю. Ну что ж, попался вам такой вот подследственный.

Адвокат и Иннокентьев расписываются в протоколе, затем каждому вручают по экземпляру постановления. Они прощаются со следователем. Следователь подает руку только адвокату. Гражданин Иннокентьев криво усмехается, но счастлив, что все так закончилось.

В коридоре его ожидает мать, которая кидается на шею сыну.

Мать: Ну что, сынок?

Тот пытается хорохориться.

Иннокентьев: Видишь, мама, ошибка вышла. Дело прекращено.

Мать (строго): Сереженька! Если ты хочешь меня до могилы довести, то продолжай дальше. Пора человеком становиться.

Иннокентьев: Мама! Обещаю тебе, что больше никогда ничего подобного не совершу. Я же ПТУ окончил, у меня третий разряд сварщика.

В разговор вмешивается адвокат.

Адвокат: Все, все! Идемте скорее на улицу. А тебе, парень, я хочу сказать, что твой ровесник, кстати, с какого ты года?

Иннокентьев (недоуменно): С 75-го.

Адвокат (продолжает): Ну вот. Это парень даже моложе тебя на год. Так он в 10 лет подвергся радиоактивному излучению. Должен был умереть, но сообщая со своими родителями болезнь переборол. А ты хочешь и мать в гроб загнать, и сам бесславно свои дни закончить.

Иннокентьев (помолчав): Я же сказал, что завязал. Значит, завязал.

Выходят на улицу из отделения милиции. Мать держит сына за руку, сначала она молчит, затем что-то говорит сыну, он ей отвечает. Сначала резко, затем мягче. Потом обнимает женщину за плечи и целует.

Адвокат (смотрит им вслед и неожиданно говорит вслух): Две судьбы. Две жизни. И каждый из этих молодых людей преодолевает свои трудности.

1 июня 2014 г.

Кабинет Президента Российской Федерации. Он нажимает на кнопку. Раздается мужской голос.

Голос: Слушаю, товарищ Президент.

Президент: Пожалуйста, пригласите ко мне референта, который занимается делами Кубы перед Советским Союзом.

Через несколько минут в кабинет Президента России входит представительный слегка полноватый мужчина лет 45-ти.

Референт: Разрешите, Владимир Владимирович!

Президент: Да, пожалуйста!

Референт подает Президенту один экземпляр докладной записки, а второй остается у него.

Президент листает справку.

Голос за кадром: За период с 29 марта 1990 года по сегодняшний день Куба излечила 24471 больного, 20419 из которых — дети. Все они получили медицинскую помощь на Кубе, где им были бесплатно предоставлены все самые передовые достижения медицинской науки и где они получили самое искренне тепло кубинских врачей, психологов, медсестер, помощников-волонтеров, учителей и спортивных инструкторов.

В кубинских больницах пострадавшим в чернобыльской аварии было произведено шесть операций по трансплантации костного мозга, две операции по пересадке почки, шестнадцать хирургических вмешательств на сердце и сосудах и более шестисот операций неврологического и ортопедического профиля. Из побывавших на Кубе после чернобыльской аварии 300 пациентов страдали гематологическими заболеваниями, а 124 из них — лейкемией.

Большая заслуга в осуществлении этой программы принадлежит различным лечебным учреждениям, таким, как: Педиатрический госпиталь имени Вильяма Солера, Хуана М. Маркеса, Детская больница г. Гавана, Детская больница имени Педро Боррасо, Хирургический центр имени Братьев Амейхейрас, Ортопедический центр име-

ни Франка Паиса, Институт гематологии, Детский кардиоцентр, в котором было проведено 14 операций на сердце детям со сложными врожденными патологиями, а также Центр радиационной защиты и гигиены.

Президент России: Так. У вас написано, что в среднем лечение одного пациента обошлось в 27 тысяч долларов, а общая сумма лечения составляет 660 миллионов 717 тысяч долларов.

Референт: Да.

Президент России: Благодарю за информацию, вы можете быть свободны.

На экране появляются кадры: В. В. Путин беседует с Фиделем Кастро, с Раулем Кастро, едет по улицам Гаваны, его приветствуют жители (изображение примерно на 1 мин).

На экране появляется текст:

МОСКВА, 11 июля. Президент РФ Владимир Путин подписал закон, которым списал 90 % долга Республики Куба перед СССР, сообщила пресс-служба Кремля в пятницу.

«Путин подписал Федеральный закон «О ратификации Соглашения между правительством Российской Федерации и правительством Республики Куба об урегулировании задолженности Республики Куба перед Российской Федерацией по кредитам, предоставленным в период бывшего СССР», принятый Государственной Думой 4 июля 2014 года и одобренный Советом Федерации 9 июля 2014 года.

Как сообщалось ранее, общая сумма долга составляет около 35,2 миллиарда долларов. Россия спишет Кубе 90 % долга, остальные 10 % (порядка 3,5 миллиарда долларов) будут погашаться в течение 10 лет равными полугодовыми платежами.

Звучит Гимн России. Конец фильма.

©Все права защищены. Зарегистрировано в РАО — Российском авторском обществе.

Юрий Клеванец
(г. Осиповичи, Белоруссия)

КАЛКА*
Киноповесть

Родился в г. Красноярск-26 (Железногорск) в 1964 году. Окончил школу в г. Осиповичи в 1981, МАИ в 1987 году. Литературной деятельностью занимается с 1994 года, с 2004 года — в «Полоцкой Ветви». С 2009 года — секретарь секции критики.

28

Туманная степь. С десятков половцев, держа лошадей в поводу, бродят у подножия кургана, увенчанного каменной бабой, топчут высокую траву. У всех в руках сабли. Подскакивает верховой, кричит по-тюркски: «Ну что, нашли?» — «Следы ведут сюда. Вот конь его (неподалеку едва стоит совершенно изможденная степная лошадь). Он где-то рядом!» — «Посмотрите наверху! Сверху виднее!» Самый молодой поднимается на курган, бродит там, а потом кричит: «Идите сюда!» Все бегут на зов. Рядом с каменной бабой вниз уходит лаз катакомбы. «Ну что, Овлур, лезь и проверь!» — «Сам лезь!»

Конник не слезая с лошади, кричит от подножия кургана: «Нашли время перебраться! Овлур, скачи за копьём, за топором, за лопатами! И тряпок побольше!»

29

Русские корабли причаливают к берегу. Туман постепенно рассеивается. Их встречают воины сторожевого отряда, толпа половцев. Все возбуждены, кричат, машут руками. На высоте горит большой костер. Перед встречающими на конях — галицийский воевода Держикрай (по виду — хитрый хохол-усач с жестким лицом) и хан Ярун.

Ярун, увидев киевского князя со свитой, сходящего с одного из кораблей, выезжает вперед, от хана не отстают три воина-телохранителя. Ярун, по-русски:

— Здравствуйте, князя! А мы без вас тут побились немного! Эй, приведите пленных!

За спиной Яруна повторяют приказ по-тюркски.

Держикрай, повернувшись к одному из своих бояр, тихо говорит: — Ишь, молодой, спешит докладывать! Думает, что его похвалят.

Масса половцев расступается, вперед на веревках тащат десяток связанных татар, подгоняя их сзади плетью. Половцы, мимо которых ведут татар, тоже стараются их ударить палкой или плеткой, ругают их по-своему, требуют смерти. Одни из пленников идут понуро, не обращая внимания на удары, другие скалятся по-волчьи.

Киевский князь выходит на шаг вперед, рассматривает пленников, потом говорит громко, обращаясь и к своим, и к Яруну: — Пленных надо бы допросить.

* Окончание. Начало в № 3, 2016 г.

Ярун: — Ты не знаешь их. Они не станут разговаривать.

Киевский: — Не бойся, мы их себе не заберем!

Ярун: — Я ничего не боюсь. Можешь вообще забрать их себе. Но говорить они не станут.

Мстислав Удалой, подходя: — А мы все-таки попробуем! Здравствуй, племянник!

В это время в задних рядах половцев нарастают шум и крики. Оттуда протискиваются несколько воинов на конях. Двое тащат за собой на веревках совершенно черного, обгоревшего человека, остальные заслоняют его конями от беснующегося половецкого войска. Подъехав к Яруну, один их всадников говорит по-своему:

— Нойона поймали. Огнем из ямы выкуривали.

Мстислав Киевский: — Это кто?

Ярун, по русски: Гем-бек. Сотник. Я его знаю. Он вырезал весь род Богучара. Остался один внук. Ему четырнадцать лет. И он будет мстить за всех!

Внезапно Мстислав Удалой быстро подходит к коню Яруна, жестом требует от того наклониться, быстро и внятно говорит:

— Ты сам же только что сказал, что можешь отдать нам этих! Так можешь или не можешь? Ты победил в бою, ты молодец, племянник! Но теперь ты все равно проиграл. Эти поганцы, наверное, понимают по-вашему. Они не станут говорить, видя, что их все хотят убить. А нам надо, чтобы говорили! Попытайся отвести невольников в сторону, уברי войско назад!

Удалой возвращается, почтительно становится немного позади Киевского. Тот спрашивает с несколько фальшивой вежливостью: — Ты что говорил Яруну, брат?

— Я сказал ему, что он зря раззадорил войско. Теперь пленные будут молчать от страха.

У половцев в войске общий крик: «Мечь! Мечь!»

Ярун поворачивается к своим, поднимает руку. Крик не стихает. Хана окружают конные воины свиты и тысячники. На одном полюсе — половецкое войско, на другом — «лучшие» из половцев, между ними — жалкие связанные пленные.

За спинами половецких начальников пешие князя собрались в кружок голова к голове. Их быстро загораживают от союзников русские охранники. Ярун все ждет с поднятой рукой. Масса все требует мести. В кружке Мстислав Киевский говорит:

— Мы с братом Мстиславом думаем отдать пленных половцам, иначе и от них ничего не добьемся, и потеряем союзника. Ярун уже не сможет их успокоить!

Голоса князей: «Да, отдайте!» «Да, я согласен!» «Пусть сожрут, чтоб они подавились!»

Киевский выходит из группы князей, кричит хану:

— Ярун! (Тот, опустив руку, поворачивается.) Ваши пленные принадлежат вам! Делайте с ними, что хотите!

Ярун снова поднимает руку:

— Воины! Вы получите этих врагов для священной мести!

Радостный вопль сотен глоток. Половцы из свиты тащат связанных татар к войску. В войске — безобразная свалка, каждый хочет лично пнуть поверженного врага.

30

Корабли, лодки и плоты русских все причаливают и причаливают к берегу. Уже понемногу вечерет.

31

Холмистая степь. Утро. Дует-гудит ветер, волнует ковыль. По небу несутся облака. Тени от облаков на степи. Выстраиваются в линию конные копейные дружины.

Впереди — князья в меховых шапочках с красным верхом. Вокруг каждого князя теснятся «старшие» бояре. Здесь же знаменосцы, трубачи. Шлемы у всех в руках. Щиты у левой ноги.

Одни дружины — латные, другие — в наборных доспехах, у третьих — больше кольчуг. На «зеркала» кольчуг и доспехов священные изображения, множество орнаментов, тотемных символов, геральдических знаков.

Развеваются флаги со строгими ликами святых. Множество богато и разнообразно расшитых плащей, накидок. Разукрашенная сбруя, плотные яркие попоны с металлическими защитными и декоративными пластинами на лошадях. Белые, красные, синие, зеленые, золотые цвета, много черных доспехов. В нескольких местах перед строем ведут службу попы. (Молебен «На брань на супостата»). Воины стоят, спешившись, без шапок и шлемов, по паре отроков держат иконы.

Никак не может выстроиться половецкая конница, все сбивается в кучу. Здесь — обилие кожаных защитных одежд, немногие в кольчугах. Красные, коричневые, желтые одежды. Много орнаментов-аппликаций «звериного» стиля. Лица половцев не все монголоидные, много и вполне европейских, только черноволосых и смуглых. Среди воинов — немало христиан, которые демонстрируют свои кресты. У половцев немного копейщиков, они все в центре, вокруг своего вождя Яруна. Остальные — с луками и саблями.

На холме над речкой пешее ополчение по-прежнему окапывается, устанавливает ряды трехсаженных кольев, засыпает их землей из рва. Колья специально протесаны и подогнаны друг к другу. Обозы дружин — под прикрытием этого укрепления, ближе к речке.

От одной дружины к другой скачут посыльные, переговариваются с князем и на рысях возвращаются назад. Вот один из посыльных — знакомый нам отрок Мстислава, похожий на Скляра — молодецки подсакивает к князю соседней дружины, (Мстиславу Черниговскому) бородатому богатырю, издали начинает кричать: «Мой князь послал меня спросить тебя о здоровье!» И тише: «Скажи еще, пойдешь ли вместе с ним?» На ветру вьются длинные волосы парня, вьется плащ, вьются грива и хвост коня.

К князю сзади подъезжают два «старших» богатыря-боярина, тихо и почтительно что-то ему говорят. Вождь смотрит по сторонам, размышляет. Парень-посыльный улыбается, конь его пляшет.

«Скажи моему брату, что здоров, благодарю Бога! Я пойду вместе со всеми!» Посыльный корчит комичную гримасу, отъезжает резвой рысью. С другой стороны к князю уже подъехал другой посыльный — высокий меланхоличный блондин, отзывает его из группы бояр, они о чем-то беседуют, затем князь манит своего «отрока» (это молодой мужчина с внешностью Чапаева), говорит ему несколько слов, и посылает его вместе с блондином. «Отроки» скачут еще к одной дружине, где заканчивается богослужение, священник кропит воинов, те — крестятся.

Отрок Мстислава подсакивает с задорной улыбкой к Яруну, вождю половцев — тридцатилетнему атлету с внешностью казаха, но с бородой. «Мой князь спрашивает тебя о здоровье! Он говорит — ты должен идти первым!»

Половецкий хан не отвечает: он напряженно смотрит через голову отрока. Тот оборачивается. Примерно в двух километрах набирает разгон конница татар.

Все смотрят в одну сторону — князья, бояре, дружинники. Строители, устанавливающие частокол, останавливаются, тоже смотрят. Разные люди в разных местах повторяют одни и те же слова: «Копейщиков нет». «Копий нет». «Видишь — копий нет?» — «Вижу».

Те же самые слова на своем языке повторяют люди из свиты половецкого хана.

Копейщики за спинами свиты усмеваются, переглядываются. Отрок Мстислава снова повторяет хану: «Ты должен пойти первым!» Ярун: «Спроси Мстислава: он пойдет за мной!» Отрок: «Пойдет!» — «А ты спроси!» Отрок отворачивает, скачет к своим.

Священник торопливо уходит за ряды воинов, держа в руках кадило, ветер развеивает его рясу.

...Хан выводит своего отрока. Говорит по-тюркски: «Спроси, если я пойду, пойдет ли он за мной?» Отрок — задумчивый, невысокого роста, плотный — скачет в сторону, противоположную той, куда поехал отрок Мстислава.

Волынская дружина. Воины в латах. Черно-красно-белые тона одежды. К Даниилу подсказывает посыльный от половцев, типичный монголоид. Говорит, немного сбиваясь, по-русски: «Мой хан спросил: пойдешь, если он пойдет?» Даниил звонким голосом: «Трубач — ко мне!» Поворачивается к половцу: «И ты со мной!» Втроем они выезжают из рядов дружины в степь, становятся на пригорке. Гнется ковыль, пригорок с блестящими всадниками освещает из-за тучи солнце. Трубит рог.

Воины из разных дружин поворачивают головы к трем сияющим конникам. Половцы тоже глядят в ту сторону. Даниил смотрит на хана, достает нательный крест, поднимает его к небу, целует, прячет.

Три всадника скачут назад.

С другой стороны войска — тоже звук рога. Выехал другой князь с ханским посланцем, так же, как и Даниил, целует нательный крест.

Хан выезжает на несколько шагов перед своим войском. Разворачивается. Кричит по-тюркски:

— Здесь наша степь! Здесь наши пастбища! Здесь наши улусы! Здесь в земле лежат наши предки! Они были великие воины! Мы не звали сюда чужаков! Они сами пришли! И мы будем биться с ними! Пусть уходят к себе за Волгу! Да помогут нам наши великие боги! Да помогут нам духи наших славных предков!

Приближающаяся масса монголов разделилась на отдельные отряды. Передовой отряд, уже достаточно разогнавшись, по широкой дуге скачет к линии русских войск, у воинов в руках луки, поводья — в зубах. По бою барабана они разворачиваются в седлах, пускают стрелы высоко в сторону русских. Первый отряд уходит, на его место катится второй отряд.

Дружина Мстислава Удалого. Боярин из свиты говорит: «У них нет копейщиков!» Мстислав раздраженно: «Нет, потому что спрятали!» Все пристально смотрят на монголов.

Вид сверху. На одном из кругов три монгольские отряда встали в одну линию друг за другом.

Ярун, который до этого стоял перед половецкой дружиной, задом сдает к своим воинам и надевает шлем. Половцы кричат воинский призыв на тюркском языке. Половцы-христиане крестятся. Все вразной надевают шлемы. Хан двигается вперед. Его окружают копейщики. В хвост ханскому коню становится знаменосец с бунчуком. Все кричат воинский клич, начинают разбег с медленной рыси. Бьют барабаны.

Вид сверху: половцы идут наперерез трем монгольским отрядам.

У русских оживление. Бояре тыкают пальцами в степь. Выкрики: «Они остановятся там!» — «Сам вижу, не слепой!»

Дружина Даниила. Князь с непокрытой головой сидит в седле перед воинами. Молодое, ясное лицо, каштановые волосы развеивает ветер. Юный князь кричит звонким голосом:

— Братья и дети мои! Пришла на нас темная туча! Навалилась сила поганая! Пойду я на них, пусть меня Бог с ними рассудит! А вы думайте себе сами — что будете делать! Вы сами люди смысленые! Воины знатные!

Крики из дружины: «И мы с тобой!»

Даниил разворачивается, надевает шлем. Бояре кричат: «Князь надел шлем!»

Дружина моментально надевает шлемы, подвязывается ремешками.

...Вид сверху: оставшиеся два отряда татар пытаются зайти в тыл половецкому войску.

Снова дружина Даниила. Князь трогает коня. Бояре кричат: «Князь пошел в бой!» С разных сторон крики: «И мы с князем!» Трубят рога. Дружина выходит из общей линии войск, начинает, перестраиваясь, разгоняться. Волынцы становятся в три-четыре ряда журавлиным клином. Впереди — князь, знаменосец и лучшие воины. Копья подняты.

Дружина Мстислава Удалого. Князь провожает взглядом уходящих волынцев. Он выглядит печально-задумчивым и даже заторможенным. Как бы нехотя трогает коня, выезжает перед дружиной, кричит:

— Братья! Не с добром пришли сюда те неведомые толпы! И мы здесь не затем, чтобы смотреть на ристалище! Мы пришли, чтобы закрыть им пути на Русь! Или победим, братья, или честно сложим свои головы! Пусть вечно живет Русская земля! Да смилуется над нами Господь!

Князь крестится, разворачивается, надевает шлем.

Крики позади него: «Князь надел шлем!» Мстислав, подвязавшись, трогает коня. Крики: «Князь пошел в бой!» — «За князем!» Трубят рога. Дружина Мстислава с поднятыми копьями медленно покидает расположение русских войск.

...Еще один молодой князь (Олег Курский) выехал перед своей дружиной.

— Братцы мои! Ребята! Старшие князя пошли искать себе чести! Нам ли здесь отсиживаться! Пойду и я за ними! В ком нет страха — идем за мной! Христос будет с нами и святые отцы!

Крики: «Мы с тобой!» «Князь пошел в бой!» «За князем!» Гудят рога. ...Стоят дружины русских, между ними все так же мечутся посыльные.

Строители укрепления дружно навешивают через блоки узкий подъемный мостик...

...Разогнавшиеся половцы с громким свистом, криком, боем барабанов нагоняют пытающихся отвернуть монголов. Те, видя невозможность уйти, разворачиваются навстречу...

Гнется ковыль, гудит земля. Страшный грохот копыт тысяч коней. С трех сторон на сходящихся направлениях на тяжелых конях скачут русские дружины. Трепещут красные флажки-яловцы на шлемах, развеваются стяги со строгими святыми ликами. Вьются красные плащи, блестят бело-красные и золотые щиты. На бело-красных копьях — красные флажки. В масках и полумасках дружинники похожи на современных спецназовцев... Дикая какофония: грохот копыт, бой барабанов, рев труб...

...Общий вопль — столкновение половцев и монголов... Выглянуло солнце — блеск тысяч сабель. Монгольское войско остановлено.

...Мстислав Киевский и подручные его Андрей и Александр смотрят за боем с вышки за частоколом. Повторяют слово «остановились».

...Разогнавшаяся волынская дружина. Блеск шлема с инкрустированным изображением Спаса на князе. В ста шагах от толпы монголов волынцы разом опускают копья. Страшный удар, треск копий, вопль, визг, ржание лошадей, задранные копыта в воздухе...

...На подходе стелются-несутся еще две дружины... Копья опускаются. Удар!

...Неровная линия оставшихся дружин. Все, как один, следят за боем. Но уже ничего не видно. Над местом побоища страшный шум, пыльный смерч. Ветер несет пыль в лица стоящих дружинников. Стоит князь — былинный богатырь (Мстислав

Черниговский), стоит князь, что целовал на глазах у всех крест... Пыль закрывает солнце.

...Бой на мечах и на саблях. Обе стороны демонстрируют мастерство фехтования. Кони топчут трупы и раненых.

...Один дружинник ловко размахивает двумя топорами — правой и левой рукой, парирует удары, наносит удары... Неподалеку от него его товарищ так же легко машет палицей — вот, не попав по всаднику, убивает коня под ним. Противник проваливается.

Вид сверху: русские и половцы наполовину окружили и теснят монголов. От монгольского войска отделяются несколько всадников и пытаются уйти. За ними гонятся 5—6 русских.

Бешеная скачка по весенней степи. Беглецы держат направление на высокий курган, увенчанный большой половецкой каменной бабой.

Метров за 500 от скачущих из-за бабы выходит кавалерист в малахае и быстро скачет с холма.

С соседнего холма за одиноким беглецом наблюдает группа монголов в броне. Один из них — Субедей-багатур, старик со сморщенным лицом, непокрытой головой, жидкая черно-седая косица свешивается чуть ли не до пояса. Старик поворачивает голову, говорит одно слово: «Наступление!» Один из всадников быстро поднимает вверх бунчук. На ветру плещется полотнище в шахматную клетку (как на польских кокардах). Через три-четыре секунды возникает и нарастает отдаленный рокот — то ли футбольный матч на стадионе, то ли работают много тяжелых прессов.

Русские вслед за удирающими от них татарами вскакивают на курган с половецкой каменной бабой, видят вдали огромную массу татар, разворачиваются, изо всех сил скачут назад.

Наступление татар. Медлительный центр с копейщиками в китайской броне — «куяках». Резвые фланги, состоящие из легкой кавалерии.

...Бой продолжается. Русские и половцы одолевают. Путь для отступления у татар нет. Наравне со своими дружинниками машет мечом князь Даниил. С боков его прикрывают «отроки» и старшие бояре. За князем, как привязанный, едет знаменосец.

Внезапно Даниилова коня хватает за поводья невесть откуда взявшийся пехотинец. Один из бояр кричит: «Князь! Уходим, уходим!» Даниил оборачивается, не понимая.

На горизонте — темная полоска атакующих татар. Бояре выводят Даниила из свалки. По пути к этой группе всадников присоединяются все новые и новые воины. Волынская дружина уходит из боя.

Рубятся русские галицкие, курские дружинники и половцы. Мстиславу в блестящем шлеме бояре кричат: «Волынцы ушли!» Дружина Мстислава отступает, собираясь в плотную массу.

Те части русского войска, что не пошли в бой, пытаются рассмотреть, что происходит на поле перед ними. Из пыльного облака быстрым галопом выезжает сперва дружина Даниила, за ними — дружина Мстислава, потом общей массой — курская дружина, половцы, недобитые татары из передового отряда. Две первые дружины огибают стоящих, остальные скачут прямо на них. Крики, звуки рогов, стоявшие воины поворачивают коней, пытаются расступиться. Свалка. Бегство.

За бегущими с воем и визгом несется легкая кавалерия татар из передового отряда, пускает стрелы.

Даниил на лошади посередине реки, в окружении своих бояр. Отроки быстро и бережно снимают с князя латы, разрезают и бросают окровавленную одежду, подно-

сят ковш с питьем, обвязывают вокруг груди белую ткань, пересаживают князя на другого коня, ведут его через реку. Берег пустеет на несколько секунд, только в камышах валяются тряпки и всякий хлам. Затем — еще одна волна бегущих, шум, крики, плеск воды, кто-то отстреливается из лука, развернувшись в седле.

Еще несколько секунд одинокого качания камышей — и на берегу татарские лучники. С криками бросаются они в воду, река бурлит, конники все скачут и скачут.

Вид сверху. Посреди степи бегущие и преследующие вытоптали широченную дорогу, на которой валяются человеческие и лошадиные трупы, щиты, одежда.

33

На косогоре над рекой высится укрепление со знаменем киевского князя. Часть русских дружинников с конями переходят через мост вовнутрь, за частокол. В это же время десятки обозников, побросав свои телеги, разбегаются врассыпную, кто успел отвязать лошадь — на лошади. Люди и лошади кучами бросаются в глубокую здесь речку, плывут на другой берег.

К укреплению с шумом и топотом подваливает тяжелая конница монголов. Лук у них мало, основная масса лучников — легкая кавалерия — ушла за отступающим противником. Начинается кружение вокруг частокола, ленивая перестрелка с осажденными. Солнце прошло полдень.

34

В лучах заходящего солнца — Днепр, от довольно высокого берега отплывает масса больших и малых лодок, плотов с людьми и лошадьми. По берегу бегают люди, сталкивают в воду пустые плоты и лодки. Некоторые рубят днища лодок. Берег пустеет.

Флотилия лодок и плотов плывет к правому берегу. На одной из первых лодок здоровяки-гребцы везут раненного Даниила.

На восточном берегу — новые толпы бегущих, они мечутся, крича, между порубленными лодками, наконец после некоторого замешательства один из вождей уводит большую группу конников вверх по течению по прибрежной отмели. За ними идут остальные. Последние отстреливаются от вышедших к реке монголов. Возвышенности левого берега сильно заросли кустарником, монгольской коннице для преследования противника приходится спуститься к воде и узкой колонной идти по следам отступающих.

35

Солнце садится. Степь, переходящая в луг. В балках — кусты и деревья. Не разбирая дороги, несется всадник. Это знакомый нам отрок Мстислава Черниговского, князя — богатыря, похожий на Чапаева парень с черным кудрявым чубом и маленькими усиками. За ним в отдалении несутся монгольские всадники. Отрок бросил щит, бросил шлем. Ножиком обрезает завязки панцыря, бросает блестящие части на траву. Оборачивает красное лицо.

Дикая погоня на фоне безмятежно-прекрасного пейзажа. В одном месте кусты и деревья поднимаются полосой над обрывом. Через листву внизу блестит вода реки. Отрок, видимо зная дорогу, скрючившись в седле, по едва заметному спуску наискось едет вниз, к воде. Как ни в чем не бывало, запевае соловей. Плеск воды.

Подскакивает погоня. Слева — яр-овраг, справа — постепенное понижение местности, там разросся кустарник. Чирикают птички. Один из монголов, глядя на землю, рванул в одну сторону, другой — в другую. В птичьем пении теряется плеск воды. Крик по-тюркски: «Вот он!» Конники выхватывают луки из налучий, через ветки кустов стреляют вниз.

Ширина реки метров 45. Плышет конь, отрок в белой рубахе держится за седло. Вот они уже у противоположного берега. Не глядя назад, спешно, с шумом выскакивают из воды. Рядом втыкаются стрелы. Отрок ударился ногой о поваленный ствол, шипит, ругается, прихрамывает. Вид снизу вверх: на противоположном высоком берегу за зелеными ветвями кустов, освещенными вечерним солнцем, мечутся всадники. Вид сверху: монголы нашли спуск, один за другим устремляются вниз.

Отрока уже нет, он скрылся в кустах противоположного берега. Монголы стоят, прислушиваются. Солнце заходит за горизонт. Старший погони, оставшийся наверху, сзывает подчиненных. Те поднимаются. «Соберите его доспехи. Запомните: он поплыл, а мы его убили. И коня тоже. Все запомнили?»

36

Вечер. Поле битвы на Калке. Друг на друге лежат половцы, русские, монголы. Между трупов ходят кони. Кое-где уже прыгают вороны. Вот щиплет траву конь с мертвым воином, согнувшимся в седле и обнявшим лошадь за шею. Из спины воина торчат две стрелы. Шлема нет, ветер перебирает волнистые волосы. Это отрок Мстислава — тот, что похож на артиста Склера.

Вдали горят костры, видны тени людей и коней вокруг них. Это лагерь монголов.

В полуокружении лагеря — укрепление киевского князя. Флаг со святым ликом. Дозорные на стенах напряженно смотрят на огни татар. От одного дозорного к другому ходит князь с эскортом. На земле вповалку спят воины. Вдали волчий вой.

Синий вечер. По балкам, заросшим кустами, по прибрежным пескам Днепра идут и идут на север группами и в одиночку отступающие русские.

Вот прихрамывает, отмахиваясь от комаров, отрок, похожий на Чапаева, ведет коня в поводу. Вид у коня такой, будто ему в прошедший день досталось больше, чем хозяину. Поют-заливаются соловьи.

37

Светает. Холмистая степь. В низинах — кустарники и деревья, вершины пригорков голые, там только трава. У подошвы самого высокого холма в кустах тихо стоят три оседланные лошади. Одна что-то жует, другая положила голову к ней на спину, третья щиплет траву. Здесь еще ночь. На вершине холма — сколоченная из бревен и жердей четырехногая пирамида высотой метров 10. Наверху пирамиды — деревянная площадка с шапкой из веток и соломы. Примерно до середины пирамиды сверху спускается деревянная лестница.

Снизу, из кустов — голос:

— Эй, вы там! Христос и Богородица!

С вершины пирамиды отвечают: «Господи помилуй! А ты кто такой? Стой где стоишь. Сколько вас?» С площадки свешивается лохматая голова, мелькает лук.

— Один я. С Калки. Поджигай свою дымовуху. Побили нас татары.

— Когда побили?

— Вчера.

— Брешешь. До Калки три дня пути.

— Как погонят, так и быстрее добежишь. Ну, прощайте, недосуг мне болтать.

Сверху крик:

— Дыля! Дыля! Вставай, балда, просыпайся!

Из низины, с другой стороны кустов мрачный голос:

— Я не сплю.

Высовывается голова в колпаке, смотрит вверх.

— Не спишь, а что за люди тут ходят? Поубивать бы таких стражников! Лошади здесь? (Слышен дальний стук копыт.)

— Здесь.

Наверху сперва неуверенно, а затем все сильнее разгорается огонь. По лестнице быстро спускаются два человека с колчанами и налучьями за спиной.

«Если лошадей увели, то мы на тебе, Дыля, поедем!» Нижний цепляет за последнюю ступеньку лестницы веревку, ловко съезжает по ней на землю, подступает с бранью к высоченному Дыле. Второй, спустившись, идет в кусты искать коней.

Горит-бушует пламя наверху.

38

Утро. У построенного вчера укрепления рядом с Калкой растоптана трава, кое-где кулями тряпок валяются трупы. В некотором отдалении — лагерь осаждающих: костры, телеги, кони, бунчуки.

Русские за частоколом молятся. У татар из лагеря выезжают легкие кавалеристы. У русских стрелки разбегаются по помостам.

Легкая кавалерия монголов сотня за сотней скачет полукругом вдоль частокола, пускают стрелы. Им отвечают стрелки из укрепления. Вперед выходит отряд татарской пехоты с двумя десятками лестниц и с арканами. За стеной отряд русской пехоты напряженно смотрит на командира на помосте — он стоит с приподнятой рукой и глядит в поле.

Бьют барабаны. Пешие татары под прикрытием конных стрелков ринулись ко рву. У русских на валу и помостах в том же месте — скопление лучников и арбалетчиков. Русские пехотинцы из засадного отряда с помощью веревок перепрыгивают через частокол со стороны реки. На противоположном берегу из кустов выскакивает татарин, кричит и машет руками такому же дозорному шагах в ста от него. Тот подхватывает крик.

В это время штурмующие уже лезут по арканам и лестницам на стену. Засадный русский отряд, обогнув частокол, налетает на татар с фланга, сбивает рогатинами тех, что полезли наверх, затем быстро убегает обратно, к обрыву над рекой. Скачущий на выручку своим еще один отряд монгольской конницы не успевает, разворачивается под стрелами противника. Пешие монголы тоже отступают.

Вновь скачут и скачут вокруг стены сотни лучников. Верх частокола утыкан стрелами. Во рву друг на друге валяются трупы.

39

Русский град над речкой. На «затинном» пространстве еще в полусумраке какие-то люди переносят тяжести, большие поленья, бочки с водой. На заборолах и башне дозорные посматривают в поле, где вдалеке поднимается столб дыма. Кричат петухи. Солнце восходит.

40

Солнце поднимается. Ниже русского укрепления на реке Калке пешие монгольские лучники на бурдюках при помощи веревок переправляются на другой берег. Колчаны и налучья с луками они старательно держат подальше от воды. Переправу прикрывают конные сотни. Русские арбалетчики из-за укрытия стреляют по коннице и по переправе, кое-кого достают их стрелы.

41

Солнце поднимается. Пыль. Грязная конница отступающих русских проходит через совершенно опустевшее село. В пыли на телегах трясутся раненые. За забором лает привязанная и забытая кем-то собака.

Снова град над речкой. Бабы впопыхах собирают развешанное белье. Вооруженные люди стоят на забороллах. С заборол и башни видна разворачивающаяся вдалеке лента чужого войска. Разговор на забороле: — А где наш князь? Где бояре Шишки? Где Головень? Кто боем руководить будет?

— А ты что, не знаешь? Али только родился? Наш князь так рано не просыпается!

— Князек молодой, всю ночь на какой-нибудь бабе скакал, утомился! — Семкова чернявка надоела, так Шишка ему белянку нашел! — Проснулся, почесался, с боярами поругался, наелся, напился — снова спать завалился!

— Ха-ха-ха!

— Гуси вы лапчатые! Только бы «Га-га-га!» Ты, Драчка, на страшном суде будешь скакать и гагакать! Господи помилуй! Такая сила поганская!

— Сотский! Сотский! Сотский где?

— Был здесь, ушел!

— Куда ушел? Где копейщики? Кто стрелы подавать будет?

— Господи, спаси нас и помилуй!

— Где сотский? Где бояре? Под бабские юбки попрятались?

В проемы галереи терема, расположенной высоко над градом, заглядывает утреннее солнце. Разбросанные по полу одежда и обувь. На одре, застланном блестящими шкурами, на пышных подушках под пестрой шубой нежно целуются, шепчут ласковые слова похожие на ангелочков белокурые юноша и девушка. Где-то рядом поют птички, воркуют голуби.

Распахивается низкая дверь, вваливается здоровый чернобородый боярин в длиннополом суконном жупане.

— Вставай, князь! Одевайся скорее! Уходим!

Бьет колокол.

Юноша смотрит то на него, то на девушку. Та натягивает шубу под подбородок.

— Я не понимаю тебя, Шишка!

— Потом, князь, потом! Рубаху надевай! Пошли! Важное дело! Срочное!

Без тебя никак! Потом оденешься! Селезень! Подбери одежду князя! Пошли-пошли! Тянет князя за руку.

Девушка вскакивает из-под шубы, хватается за парня:

— Ладушка!

Боярин на ходу, разворачиваясь, с силой стегает ее плетью. Становится видно в расстегнутый ворот, что под жупаном у боярина кольчуга. Девушка падает. Бьет колокол.

Слуга, переступая через лежащее тело, входит, собирает одежду и сапоги, выходит.

Перед стеной города уже скачут отряды лучников. Идет перестрелка.

У нападающих готовится к штурму небольшой отряд пехоты, воины смотрят на старшего, ждут команды. Старший — маленький сморщенный монгол, спокойно сидит на коне, молчит.

У обороняющихся с этой же стороны на городне и на лестницах, ведущих на нее позади лучников, собираются и теснятся копейщики и топорники, готовые к отражению атаки.

Среди монголов движение. Старший махает плеткой, из рядов конников, которые были позади пехоты, отделяется часть. На каждом коне сидят по два человека с ко-

роткими копьями. Эти конники быстро отъезжают метров на 200—250 от остальных сил, там половина из них спрыгивает с коней, быстро строится, подхватывает привезенные туда же другими всадниками лестницы, быстро, с воплем бежит к стенам. Их крик подхватывают все татары.

На забороллах замешательство, все с шумом и топотом бросились туда, где началась атака.

Крики:

— Там Шишка гнилое дерево положил!

— Я говорил — гнилье везешь! А он мне палок!

— Не напирай! Свалимся!

— А поганые-то все знают! Кто сказал?

Страшный треск. В клубах пыли одна городня съезжает под тяжестью стоящих на ней людей вперед по склону и заваливается. Общий вопль. Татары, осыпаясь стрелами, лезут на вал, обходят или перелезают через обвалившуюся городню. Их встречает десяток подбежавших горожан-топорников. Со всех сторон к пролому еще бегут люди.

44

По узкой, мощной расщепленными бревнами улице скачет дружина. Кони не могут разогнаться в тесноте. В середине — юный князь в рубашке и красном плаще. Кто-то, завидев конников, прячется. Мужик в белой одежде и с топором в руках кричит с крыши из-за забора: — Бежишь Шишка? А за гнилье расплатиться не хочешь?

Сразу три дружинника на ходу стреляют в мужика из луков.

Крики из-за углов, из-за частоколов:

— Шишка бежит!

— Шишка утекает!

— Гнилая городня! Шишка вор!

Кто-то бросается на дружинников с рогатиной. Те машут мечами. Из-за заборов на притормозивших воинов летят камни, поленья, всякая дрянь.

Бьет колокол.

Воротная башня уже близко. Воротники открывают створку, потом сами быстро садятся на приготовленных лошадей, выскакивают в поле. К воротам бегут бабы и подростки с криками, визгом и свистом, потрясая вслед дружине палками и топорами. Бьет набат.

На валу в проломе стены рубятся топорами горожане с татарами. По знаку начальника монголов к стене града бежит еще один отряд татарской пехоты. Бьет набат.

40

Снова укрепление киевского князя на Калке. Теперь стрелы летят на русских с двух сторон. Арбалетчики осторожно выглядывают из-за частоколов, сами стреляют экономно, наверняка.

У татар снова готовится к штурму пехота. Сидя неподвижно в седле, за боем наблюдает Субедей. Позади него на полкорпуса коня три знаменщика поднимают, трясут, опускают разные бунчуки.

Впереди татарской пехоты становится конная сотня. Конные лучники все так же скачут перед укреплением.

Субедей крутит в воздухе пальцем. Знаменщики машут бунчуками. Конники начинают разгон, за ними — пехота.

В укреплении падает подъемный мост. По нему бегут копейщики с длинными копьями и щитами, копейщики с рогатинами, лучники. Быстро выстраиваются перед ровом плотной массой. копейщики втыкают длинные копья тупыми концами в землю

так, что они «ежиком» смотрят во все стороны. Рядом с ними — копейщики с рогатинами. За их спинами становятся лучники. Приближающаяся под прикрытием конницы татарская пехота теперь обстреливается и со стены, и с фланга — с поля. Пеших татар больше, чем русских у рва, но они отягощены лестницами. Вместо быстрой атаки на частокол нападающие теперь вынуждены вести бой с полевым отрядом. Русские пехотинцы, выскакивая из-под прикрытия длинных копий, колют рогатинами коней и людей противника. Две конные сотни татар скачут, визжа и размахивая саблями, на подмогу своим. Из укрепления к русским пехотинцам тоже подбегает помощь.

В стане татар ударили в барабан. Их пешие и конные отряды с потерями отходят от стен.

Русские пехотинцы, бегая по внешней стороне вала, выдергивают из песка и из частокола татарские стрелы, с охавками бегут назад, в укрытие. Поредевший пеший отряд отходит к воротам.

46

Снова осажденный город. Уже полдень. Татары прорвались сквозь пролом на улицы. Идет бой между частоколами и во дворах. Многие из нападавших уже занялись грабежом. Дикий рев скотины, вопли, визг, бой набата. Горят несколько хат. Дым то поднимается, то вновь опускается, скрывая картину боя.

47

Вторая половина дня. Убежавшая из города дружина с полуодетым князем с шумом вброд переправляется через реку. Князь — в плотном кольце воинов. Основная часть дружины выходит на противоположный берег, мелькает в прибрежных кустах. По приказу Шишки в воде на неглубоком месте возле берега остаются 15—20 лучников. На противоположной стороне появляется татарская погоня, начинается перестрелка через реку. Арьергард русских, не пуская татар к воде, медленно поднимается на берег, уходит в кусты. Татарский отряд идет вдоль берега по противоположной стороне, пуская стрелы. Место переправы пустеет. Вновь защebetали птицы, светит солнце, отражаясь зайчиками в мелкой волне. На песке остались лежать три человеческих трупа. Вот лошадь лежит наполовину в воде, издыхая, дергает копытами. Вода вокруг нее окрашена кровью, плывут по течению маленькие кровавые буруны. На песчаных откосах берега — солнечные блики. Вовсю поют жаворонки.

48

Вторая половина дня. В косых лучах солнца — волны ковыля. Наплывает вытоптанное поле с необранными людскими и конскими трупами, над которыми вьются вороны. Трупы уже ободраны — без броней, многие без сапог и даже без верхней одежды, если они чистая и не рваная. Совсем недалеко мирно пасутся стреноженные татарские кони*. Лошадей сторожат два пастуха в войлочных шапках и меховых безрукавках. Один сидит на лошади, смотрит в степь в сторону лагеря, а другой повосточному уселся на земле, он подбрасывает вверх небольшой кинжал так, чтобы он втыкался острием в землю. Издалека накатывает шум от множества людей: там татарский лагерь, а за ним городок, укрытие русских на Калке. Местность вокруг городка вытоптана полностью, в косых лучах солнца напоминает то ли пустыню, то ли лунный ландшафт, то ли свалку. Там и здесь валяются трупы, конские и человеческие, если трупы лошадей похожи на лошадей, то мертвые люди больше напоминают кучи тряпок. Ближе к стене трупов больше. В одном месте не очень глубокий ров

* У каждого народа свой способ спутывания коня.

заполнен убитыми до верха. Впечатление — как от кучи мусора. Ветер шевелит лохмотья одежды и волосы.

Частокол утыкан татарскими стрелами. Внутри, за тыном, идет панихида по убитым, которые лежат на плащах-корзнах в линию перед вырытой ямой. Два-три десятка воинов дежурят с арбалетами и луками на помостах, еще три-четыре сидят между горящих костров с котлами воды, остальные (их все еще много, несколько сотен) столпились вокруг священника и князей. Одни из воинов безоружны, только в доспехах, другие с оружием — рогатинами и мечами. Священник говорит последние слова прощания. Все крестятся, а затем, разобравшись по четыре человека, за концы плащей несут убитых к могиле. Раненные, которыми заполнены четыре шатра и телеги (некоторые лежат и на земле), приподнимаются, чтобы лучше видеть.

В это время снаружи по дуге к стене вновь летит татарская сотня. арбалетчики кричат: «Поганые!» «Поганые!» По этому крику часть воинов из толпы спешит на помост. Арбалетчики подхватывают по паре самострелов на плечи, бегут в то место, откуда лучше всего стрелять. Там они выпускают по стреле сперва из одного арбалета, потом из другого. Тут же по лестницам подбегают помощники, начинают взводить самострелы и стрелять из луков.

В набегающей плотной массе татарской конницы, окруженной клубами пыли — замешательство, там появляются разрывы. В пыль падают убитые и раненые, которые стараются отползти прочь. Тут же, в пыли, бьются две раненые лошади. Татары все-таки выпускают свои стрелы, которые стучат по частоколу, залетают внутрь укрепления. С обратной стороны, из-за реки, тоже начинают сыпаться стрелы засадного татарского отряда.

Один из русских на затинной площадке падает с тихим вскриком: его достала-таки татарская стрела. Его поднимают, осматривают, выдергивают стрелу, слушают, пытаются оживить: «Погоди, может, он еще дышит!» Затем, уверившись, что он мертв, несут по лестницам вниз и кладут среди еще непогребенных мертвецов. Священник торопливо читает над ним молитву.

49

Субедей-багатур в шелковом халате с величественным и бесстрастным видом сидит на помосте, составленном из скамеек и телег и покрытом пестрыми коврами. С трех сторон — здоровенные полуобнаженные «качки»-охранники с голыми саблями. За их спинами на почтительном расстоянии — любопытствующие татарские воины.

Перед помостом на коленях стоят пятеро русских — очень крепкие молодые усахи, стриженные «под горшок». За их спинами стоят одетые в богатые халаты вооруженные монголы. Русские поджались, втянули головы в плечи.

Субедей, бесстрастно, но четко выговаривая слова, произносит фразу по-татарски. Русский, стоящий впереди всех (это Плоскиня), поворачивается, пытается взглянуть на татарина, возвышающегося за его спиной. Тот останавливает его легким толчком кнутовища в спину и говорит по-русски, так же, как и начальник, бесстрастно и четко: — Гляди вперед, не поворачивайся. Начальник спросил — уверен ли ты в себе и в своих людях?

— Да, конечно, да, клянусь! Все будет как надо! Лопни глаза! — Плоскиня крестится.

Другие русские тоже порываются что-то сказать, но татары, стоящие за их спинами, стучают их сзади кнутовищами. Те умолкают и снова сжимаются.

Субедей спокойно, как робот, произносит еще одну фразу.

Переводчик говорит в спину Плоскине:

— Если у тебя что-то не получится, мы убьем всех в твоём улусе.

Плоскиня трясет головой, клянется, божится, тут же богохульствует, достает нагельный крестик, целует его, повторяет по-тюркски: «Все сделаем!»

Субедей переводит взгляд с Плоскини на переводчика, неподвижное его лицо вдруг чуть-чуть улыбается и подмигивает. Переводчик тоже вежливо улыбается. Затем оба вновь каменеют. Субедей командует по-татарски: «Увести!» Русских сзади хватают за шиворот и разворачивают, потом толкают кнутовищами. Несколько шагов они ползут на карачках, затем встают, отряхивают штаны. Смыкаясь, их закрывает ряд охранников.

50

Вновь вытопанное и покрытое трупами поле перед укреплением русских. Солнце садится. В татарском лагере бьют барабаны, по их сигналу отряды конницы, весь день по сменам скакавшие вокруг стен, подтягиваются к табору. От лагеря к стене укрепления, поднимая пыль, спешит белокурый юноша как бы сошедший с полотна Нестерова. — Братцы! Дяденьки! Не стреляйте! Я русский! Ради Христа, не стреляйте! Не стреляйте! Христом-Богом прошу! Я русский!

Несколько секунд полной тишины. Парень переминается с ноги на ногу в пыли перед осыпавшимся краем рва.

Голос из-за частокола:

— Ты кто?

— Евгений я, отрок Плоскини,— на лице парня неподдельный ужас.— Только не убивайте! Не берите греха!

За частоколом движение. Не очень вежливо расталкивая воинов, на помост по лестнице поднимаются Мстислав Киевский, его подручные и свита. Лица у всех за стеной уже несколько похожи на лица шахтеров.

Князь переглядывается с воином, который до этого разговаривал с отроком: «Говори!» Воин кричит:

— Зачем ты пришел сюда, рабский раб?

Ангелоподобный юноша в пыли — яркий контраст с почерневшим от двухдневного боя воином. Вечерняя тень от стены постепенно подползает к его ногам, тем лучше видно ясное лицо.

— Плоскиня хочет говорить с вами! Ему есть что сказать!

Воины, бояре, князя за стеной переглядываются. Мстислав спросил тихим голосом:

— Бояре все здесь?

Такие же тихие голоса: «Крапивку и Кореня ранили. Филимона нет». — Думайте, бояре, ваше право. Скажи отроку, чтобы подождал. Воин кричит: «Стой и жди!»

Юноша стоит и ждет. Тишина. Солнце опускается к частоколу. В небе кружат хищные птицы. Из лагеря татар через составленные друг за другом арбы за происходящим наблюдает множество людей.

Вдруг юноша бросается бежать назад. Еще не добежав, кричит: «Иди, Плоскиня!» От татар к укреплению скачут пять всадников. Это давешние русские, что разговаривали с Субедеем. С ними татаре — два знаменосца, барабанщик и еще один парень в богатом халате. Русские одеты нарядно, в меховые шапочки с красным верхом и в подобие польских расшитых кунтушей голубого и зеленого цвета.

Подъезжают. Из-за частокола глухой голос князя Мстислава: — Плоскиня, бродник и вор, чего ты хочешь?

— Мне, броднику, большая честь говорить с князем! Гулял я в степи, как вольная птица! Всякое бывало, не скрою! А теперь прислал меня великий каган к тебе спросить: чего тебе сидеть здесь, в грязи, в пыли? Иди назад, на Русь, володей своими смердами и рабынями, тебе дорога открыта!

— Хорошо говоришь, Плоскиня! Да только скажи — чем ты сам отличишься от холопа? Невольнику, сам знаешь, веры нет!

— Со мной мое знамя!

— Скоморох на торгу тоже может скакать со знаменем!

Секунды две — молчание.

— Со мной сын Джебе — багатура. Он подтвердит мои слова!

Молодой татарин выезжает вперед.

За частоколом Мстислав тихо распоряжается:

— Пехоту с луками — на выход! А ты, — он поворачивается к ближайшему арбалетчику, — бери на прицел его коня!

Арбалетчик выполняет приказ. Отроки сбегают с помоста, поднимают отдыхающих у костров воинов, ведут к выходу. Отроки — стремительны, будто и не устали, стрелки — заторможены и измотаны. Мстислав: «Думайте, бояре!»

Тихие голоса: «Пусть говорит! Мы слушаем!»

Мстислав — Плоскине: «Говори дальше!»

— Субедей-багатур говорит, что отпустит тебя с твоими людьми и лошадьми! На день пути, не пролив ни капли твоей крови! Я сказал слово в слово!

— А где Джебе?

— Погнал ваших бегунов и хороняк за Днепр!

Мстислав тихо: «Думайте, бояре!» И громче:

— Плоскиня, ты ничего не сказал про оружие!

К Плоскине подъезжает сзади знаменосец-татарин, это тот самый воин, что стоял за его спиной при разговоре с Субедеем, тихо чеканит по-русски:

— Солнце скоро сядет. Торопись.

Плоскиня: «Субедей пропустит тебя, Мстислав, с твоими людьми, лошадьми, оружием и обозом! Не веришь? Боишься?»

Мстислав: «Ты говоришь лишнее, Плоскиня!»

Пауза.

Плоскиня внезапно соскакивает с коня, снимает шапку, поводья передает татарину, выходит вперед, становится на колени. Шипит через плечо своим русским спутникам: «Что расселись? Слезьте!» Остальные русские тоже слезают с коней, передают поводья татарам, становятся на колени рядом со своим начальником. Плоскиня кричит: — Князь, я, может, и делал что-то в жизни не так, но я во Христа верую! Смотри! Вытаскивает крест:

— Я целую крест на том, что Субедей выпустит вас всех с оружием, лошадьми и обозом! Он не двинется с места, пока солнце будет на небе! Он не прольет ни капли твоей крови! — Целует крест.

Остальные русские повторяют то, что делает Плоскиня.

— Мстислав! Я землю ем на том, что сказал правду! — Хватает из-под ног пригоршню песка, старательно жуёт. Остальные русские тоже жуют и глотают песок.

На помосте за частоколом из группы бояр тихий спокойный голос: — Надо соглашаться, князь. Воды у нас мало.

Мстислав оглядывает всех своих советников:

— Кто еще что скажет?

51

Татарский лагерь.

В ближайших к русскому городку линиях все по-прежнему, а в глубине воины и погонщики запрягают арбы и уезжают в степь. Все делается тихо, арбы не скрипят. Несколько татар на переднем плане обвязывают копыта коней тряпками. Солнце уже заметно садится.

Солнце село. Русские, вышедшие из городка, подошли к реке (это не Калка, теперь — Кальмиус, а ее приток либо речка Волчья, примерно в 20-ти км от Кальмиуса), начинают переправу через широкий брод. Зажигают три-четыре факела. Первыми переправляются конные сторожа, за ними идут телеги с ранеными. Они не успевают дойти до середины реки, как слышится глухой шум, сторожа кричат: «Татары!» Через несколько секунд, в течение которых часть русской пехоты пытается выстроиться на одном берегу, а другая часть бросается в воду и, обгоняя телеги, по грудь в воде спешит на другой берег, налетает татарская конница, сначала с противоположного берега, а затем — и с того, откуда русские начали переправу. Крики, ругань, ржание. Русские пехотинцы-копейщики в воде под градом стрел. Мечутся испуганные лошади, переворачивая повозки. Копейщики спешат на противоположный берег, теряя людей в воде. А там охрана уже почти перебита, разъезжают татары с саблями, все стреляют лучники.

На тот берег, с которого русские начали переправу, прибывают татарские арбы с пехотой. Пехотинцы с веселыми криками распрягают свои повозки, разворачивают их, катят с разгоном с береговых высот на выстроившихся на берегу русских копейщиков и лучников. За теми, кто катит арбы, бегут люди с саблями и арканами. Здесь же много конников с арканами. Русские копейщики стоят, уткнув копыя в береговой песок. Между ними и за ними — лучники, которые непрерывно стреляют. За их спинами в воде и на противоположном берегу — побоище. На русских летят с двух сторон стрелы, под ноги им падают горящие факелы.

В стороне, на возвышенности, освещенной луной, красным закатом и отблесками огня, за боем наблюдает татарский военачальник в окружении свиты. Глаза его блестят, он довольно улыбается.

Русское укрепление на Калке. Мечутся десятки факелов. В их свете сотни людей в папахах, в лисьих малахаях, в сапогах, в ичигах, в широких и узких штанах разбивают частоколы и настилы для стрелков, тыкают землю копьями, роняются, ищут спрятанные вещи.

Слышен бой барабанов. Все высыпают за разбитые ворота. Два ряда конников ведут на веревках русских пленных, их много, две или три сотни. Вокруг — радостные крики. Татарские воины — и те, что разрушали укрепление, и те, что остались в лагере — подпрыгивают, приплясывают, бросаются в пленных песком.

Перед выехавшим в лагерь Субедем пеший воин, поломав древко знамени Мстислава Киевского, срывает с него полотнище со святым ликом. Ткань не поддается. Тогда татарин обрезает его кинжалом, радостно вертит им, трясет, как бы выбивая из него пыль.

Субедей спокойно наблюдает за кривляниями воина, а затем так же спокойно говорит через плечо по-тюркски: «Забери». Из тени выезжает блестящий воин свиты, его кольчуга и сбруя коня сияют в свете костров и факелов. Этот всадник кажется едва ли не в два раза более крупным, чем старик Субедей. Свитский молча протягивает руку пехотинцу. Тот так же молча покорно отдает ему знамя.

На широкую утопанную площадку, окруженную пламенем многих костров, татары тащат связанных русских, валят их на землю. Тут же подбегают другие татары, вяжут пленникам ноги. Третью забивают в землю заранее заостренные колья так, чтобы пленные не могли шевелиться. Четвертые тащат колья и доски от разбитого укрепления, укладывают их на русских. Пятые сбивают и связывают эти доски и колья в большой помост. В тени жестикулирует толстый татарин, жесты его энергичны,

как у футбольного тренера или прораба на стройке, зато команды коротки и негромки. За всем этим бесстрастно наблюдают выстроившись подковой вокруг площадки всадники из свиты Субедея. За их спинами — сотни огней, в лагере — гулянка, шум, дележ награбленного. Один из свитских поднимает руку. В темноте за его спиной бьют барабаны. Разгул вокруг костров утихает. Воины кто в чем, кое-кто — заметно шатаясь, собираются к сколоченному помосту в окружении костров.

На помост вступает татарин, который разговаривал с Плоскиней и, обращаясь к себе под ноги, громко говорит по-русски:

— Ты был не прав, Мстислав. Ты убил наших послов. Но мы не такие, как ты. Мы держим данное слово. Тебе было сказано, что ни капли твоей крови не прольется. Можешь сам убедиться, что это правда.

Воин сходит с помоста, отдает приказание по-тюркски. Тут же подбегают слуги, расстилают на помосте ковры, на середину кладут знамя киевского князя, на него ставят миски и блюда с мясом и рисом, кувшины с кумысом и вином, ложат овощи. В костры подбрасывают охапки дров. Огонь поднимается выше. На помост вбегает шаман с бубном, творит свои заклинания, затем подбирает пальцами с блюд куски кушаний и, сойдя с помоста, бросает их в огонь костров.

Под радостные крики толпы воинов из-за оцепления на помост в окружении ближней стражи с обнаженными саблями входят Субедей, как старший, за ним Джебе, за ними — тысячники. Темники садятся в голове, между ними протискивается шаман. Тысячники рассаживаются по бокам помоста. Все с каменными лицами смотрят перед собой. Субедей, так же, как и все, ни на кого не глядя, говорит по-монгольски: — Ташу, сколько воинов вышло у тебя во вчерашнем бою?

Один из тысячников, человек средних лет, небольшого роста и плотного телосложения, с круглой, бритой, как шар, головой и тоненькой косичкой сзади, осторожно переводит глаза на начальника, слегка наклонив голову, отвечает:

— Шестьсот тридцать два.

— Встань и иди сюда.

Тысячник медленно, как бы в полузабытьи, поднимается, идет к начальству. Остальные тысячники провожают его настороженными взглядами.

Субедей немного отодвигается в сторону.

— Садись, покушай с нами.

Тысячник медленно садится между Субедеем и шаманом. На его вспотевшем лысом черепе пляшут блики от костров. Внезапно еще больше, чем отсветами огня, лицо воина озаряется торжеством. Остальные его коллеги переглядываются. Субедей, сопя, озабоченно роется в блюде с мясом, достает лучший, как ему представляется, кусок, вкладывает в загодя разинутый рот тысячника, а затем облизывает пальцы и вытирает руки о наброшенное через шею полотенце. Воин жует, жмурится от удовольствия. Остальные наблюдают за ним: Субедей — спокойно вытирая руки, Джебе — дружески-покровительно, остальные — почтительно. Слуга приносит круговую чашу. Из нее пьют по очереди Субедей, Джебе, шаман, обласканный тысячник, затем она идет по часовой стрелке.

54

Снова утро. Поднявшееся уже достаточно высоко солнце освещает неукрепленную слободу с белой кирпичной церковью посередине. Патриархальную картину соломенных и камышовых крыш с дымками, садочков, частоколов и плетней с горшками и бельем, колодезных журавлей, портит колокольный набат.

По деревянной мостовой идет скорбный крестный ход: священники с крестами, «лучшие люди» с иконами. Сапоги, лапти и чуни друг за другом переступают с плах мостовой в пыль. Из-за калиток и «вешниц» высовываются перепуганные лица баб.

Какая-то баба суетливо снимает и бежит прятать развешанное на просушку белье. Процессия выходит за ворота в конце селения, загораживающие улицу. Уньло звенит колокол у церкви. Толпа за воротами увеличивается, но не идет вперед, а как бы растекается вправо и влево от дороги, словно бы пытаясь обойти какое-то препятствие. Перед процессией на пыльной обочине — почерневший придорожный крест, а далее, больше, чем в полукилометре, видна среди еще невысоких зеленых хлебов длинная колонна всадников. Вид от войска на то же селение — похоже на сказочный городок на пологой возвышенности с церковью и множеством фруктовых деревьев. Всадники — это монголы, впереди — начальник под бунчуком. Окружающие его воины показывают пальцами на выходящую из ворот селения толпу, оживленно переговариваются. Слышен бой набата, уньлое нестройное пение людей из крестного хода. Воины бросают друг другу недоуменные вопросы по-тюркски и по-монгольски: «Что это?» «Что они делают?» «Зачем поют?» «Что нам показывают?» — «Не знаю». — «А может, это похороны?»

Колонна замедляет ход. Задние лезут на передних. В момент растерянности вперед выезжает сотник: «Что стали? Испугались? Вперед!!!» Разворачивается, выхватывает саблю, поддает плетью, пускает коня в галоп. Знаменосец трясет бунчуком, затем скачет за начальником. Растерянные лица воинов каменеют. По рядам пошла волна взмахов плетью. Колонна, не разворачиваясь в боевой строй, летит к селению.

55

То же селение. К тыну привязана монгольская мохнатая лошадь. Светит солнце. Воют собаки, ревет скотина. Из ворот-вешниц выбегает хозяин лошади, тяжело тащит два кожуха, кидает ей на спину. Лошадь поднимает голову, кожухи падают на землю. Хозяин, ругаясь по-татарски, возвращается, отвязывает от седла веревку, обкручивает ею добычу. Мимо проезжает на лошади еще один татарин, тащит за собой на веревке связанного человека в одних штанах, на шее пленного надет блестящий оклад от иконы. Конный останавливается, смотрит на первого татарина, смеется: «Что, приятель, опять добычу потерял? Ха-ха-ха!» Тот краснеет, злобно скалится. Увидев, что подколка дошла до цели, второй татарин, отъехав немного, еще громче смеется: «Ты бы лучше отдал это комунибудь! Вот мне, например! Все равно ведь потеряешь или пропьешь!» Лают собаки. Мычат коровы.

В разбитые ворота большого двора, образованного несколькими разными по высоте избами, въезжают два молодых монгола. Договариваются между собой: «Ты — туда, я — сюда! Только быстро!» Спрыгивают с лошадей, привязывают их к тыну так, чтобы не было видно с улицы. Вынимают сабли, расходятся.

Один из этих воинов осторожно идет вдоль стены одного из домов. Его кольчуга сияет на солнце. Земля устлана опилками, пружинит под ногами. Воин, глядя на дверь, ощупывает аркан, обкрученный через левое плечо, затем поднимает с земли большое полено, осторожно всходит по ступенькам вверх к низкой двери, распахивает ее, бросает в темноту полено, затем прыгает туда сам.

Несколько секунд полной тишины. В двери вновь появляется воин, обвернутый какой-то красной материей, как индианка сари. Аркан он уже несет в руке. Воин оглядывается на крыльце. Опять лают и визжат собаки. Воин спускается, идет дальше.

В следующей постройке, по-видимому, — хлев и сеновал. Татарин тихо заходит в ворота, видит кучу сена, возвращается на улицу, жмурясь от солнца, достает из-под обкрученного вокруг кольчуги атласа кресало, снова идет внутрь, садится на корточки в углу, стучит кремнем.

Потянуло дымком, монгол поднимает с земли свою саблю, отходит в темный угол. Внезапно, заслышав шорох, прыгает с саблей к воротам.

Вновь двор, залитый солнцем. Давешний татарин быстро тащит из ворот сенова-

ла за волосы блондинистую босую девушку-пышку, одетую в рубаху и поневу. Девушка упирается, кашляет, визжит, снова кашляет. Из ворот выбивается дым. То вблизи, то вдали ревет скотина, лают собаки.

Татарин бегом-бегом тащит девушку к лошади, дает ей подсечку, она валится в грязь, а он, бросив саблю, прыгает ей на спину, заламывает руки, завязывает концом аркана, а потом, подняв добычу как мешок, бросает на спину лошади. Затем отвязывает поводья, подбирает саблю и, вытерев ее о свешивающийся подол девушки, засовывает ее в ножны. Прыгает в седло. Деловито подбирает волочащийся по земле аркан, освобождается от накрученной поверх брони атласной ткани.

На шум выскакивает второй татарин, озирается тревожно, но, увидев компаньона, успокаивается.

Первый, улыбаясь:

— Уходим, сейчас все сгорит.

Второй тащит привязанных за шеи трех овечек. Держа веревку в руке, садится на лошадь. Говорит:

— У тебя хорошая добыча.

Выезжают из двора, над которым стелется дым. Девушка очнулась, снова начинает кричать и бить ногами. Первый татарин спокойно, с улыбкой несколько раз сильно стегает ее плетью. Та затихла.

Два всадника по-приятельски спокойно едут рядом. За одним бегут привязанные овцы. Разговор.

Второй:

— Ты не знаешь, зачем это те люди в черном махали на нас крестами?

У них что, оружие такое?

Первый: — Не знаю. Думаю, эти люди глупы.

Второй: — А может, это у них были шаманы?

Первый: — Не знаю. У этих были еще красивые кресты на шее. Ты видел?

Второй: — Да. Глупые люди. (Пауза. Скосил глаза.) У тебя хорошая добыча. Дашь попробовать?

Первый, после молчания, улыбаясь: — Ладно. Готовь угощение.

Светит ласковое солнышко. Двое всадников тихо едут по пыльной улице. Их лошади спокойно переступают через лежащий поперек дороги труп. За ними так же спокойно переступают через труп и привязанные овцы.

Вокруг бегают, что-то тащат, кричат мародеры, лают собаки, ржут лошади. Какой-то человек залез на крышу храма, пытается с лестницы топором прорубить окращенный блестящий полусферический купол. Над крестами кружат вороны.

56

Поле боя при Калке. В беспорядке валяются ободранные трупы людей вперемешку с лошадиными, поломанное оружие. Кружат хищные птицы. Ярко светит солнце.

Разрушенный и по большей части сожженный город. Глиняные печи без труб на пепелищах. На валу гнилыми зубами стоят сохранившиеся городни. Ободранные трупы. На коленях рыдает-голосит старуха. Кружат хищные птицы. Ярко светит солнце.

Догорает поселок. Закопченные стены церкви. Пробитый купол, окна без стекол. Увядшая листва садов. Перед въездом на улицу — много трупов, в том числе — священники в черных рясах. Кружат хищные птицы. Ярко светит солнце.

За кадром диктор читает известный отрывок из летописи, что пришли неведомые народы — то ли татары, то ли туркмены из дальних стран, с края света.

Степь. Солнце заходит. В оранжевом сиянии колышутся волны ковыля. Скачет табун лошадей. Волны спин, голов, хвостов. Солнце заходит.

Яков Шафран
(г. Тула)

Главы из повести
«ГРИШИНО ДЕТСТВО»

Член Академии российской литературы, Союза писателей и переводчиков при МГО СПР. Лауреат всероссийских литературных премий: им. Н. С. Лескова «Левша» и «Белуха» им. Г. Д. Гребениčkова, лауреат премии русских писателей Белоруссии им. В. Блаженного. Заместитель главного редактора — ответственный секретарь литературно-художественного и публицистического журнала «Приокские зори», главный редактор альманаха «Ковчег» журнала «Приокские зори».

* * *

Память детства — нет ничего важнее и нужнее этого для человека. Она, как пуговина, через которую он получает необходимое подкрепление в течение всей своей жизни. Или не дополучает, или вовсе не получает — это уж как кому выпадет... Во многом мы те, какими нас сформировало детство, и даже первые его пять — семь лет. Хотя отдаленные воспоминания порой могут быть фрагментарными и неясными или же, наоборот, очень яркими, это вовсе не означает, что они таковы и по силе своего влияния на человека. Самое неясное и зыбкое из них может иметь доминирующее значение.

Неизбывная тяга людей вернуться в свое детство связана либо с желанием вновь оказаться в зоне комфорта и напитаться силою от родника любви и жизненной силы, исходящей от матери, отца, от родных и друзей, от родных мест, чтобы с новыми силами жить и трудиться; либо со стремлением что-то найти там или изменить, чтобы это найденное или измененное стало таким питающим источником. А кто-то хочет вновь вернуться в состояние маленького ребенка, может быть, даже эмбриона в утробе матери, чтобы сказать самому себе: «Видишь, жизнь, какой я маленький и беспомощный, что же ты все хочешь от меня?» Так или иначе, детство неразрывно связано с нами.

Но тогда ни о чем таком не думается. А вся жизнь, весь мир концентрируется вокруг тебя. И все нераздельно — и детство, и мир, и жизнь, и все вокруг в ощущениях, чувствах, словах — во всем...

Поселок Брагин, где Григорий родился, был центром мироздания, неким кругом в центре, вокруг которого был другой круг — Гомель, вмещавший в себя и первый. А вокруг Гомеля — Белоруссия, потом Россия и вокруг нее — Москва. Самой главной в этом мироздании была она, потому что по нескольку раз в день из черного картонного репродуктора, висевшего на стене над Гришиной кроватью, громким начальственным голосом раздавалось: «Говорит Москва!»

Хорошо помнит Григорий стоящую на столе керосиновую лампу и почему-то плачущую подругу матери — дальнюю родственницу отца, бабушку Аню и самих отца и мать, скорбно сидящих вокруг лампы. Они говорят, что Миша погиб, что уже

нет этого хорошенького способного мальчика, и плачут. А он думает: как это Миши нет? Вот недавно, сегодня, мы с ним играли, и завтра будем играть, когда с мамой пойдем с ответом в гости. И куда может деться Миша отсюда, из центра мироздания, каким является Брагин? Ведь все, кто едет по делам в Гомель, Белоруссию, Россию и даже Москву, все они, все до одного, через какое-то время возвращаются в Брагин. Правда, говорят, что некоторые не возвращаются. Может, они нашли там то, чего нет здесь? Это странные люди, чудачки, так как в Брагине есть все. Поэтому большинство людей никуда не деваются... Миша попал под машину? Интересные люди эти взрослые! Кто же не хочет попасть под машину, чтобы посмотреть — а что там у нее, снизу, находится? Посмотрит и вылезет, что непонятного, зачем плакать весь вечер? Лучше бы почитали что-нибудь вслух...

Но ни завтра, ни потом Миша из-под машины не вылез. И Гриша понял, что люди, даже очень маленькие люди, могут исчезать просто так, не уезжая из Брагина, чтобы остаться во внешних кругах.

* * *

В ясли Гришу не отдали — декретный отпуск был тогда большой, да и бабушка Рая — мамина мама — приходила почти на весь день помогать. Позже его для общего развития определили, было, в детсад. Из-за непривычно раннего вставания и одевания запомнилось ему это морозное утро поздней осени. Стекло, из-за тепла от затопленной печки, очистилось от влаги, и в окне, в свете фонаря, было видно дерево с кое-где уцелевшей, покрытой инеем листвой.

Однако недолго пробыл Гриша в детском саду — после первого же обеда его, привыкшего к сугубо «нежной», домашней пище стошнило и вырвало, прибежала мать и навсегда забрала его домой.

Мать имела правильный овал лица, темные волосы, модную в середине 50-х прическу и мечтательное выражение серо-голубых глаз. Отдыхала она редко, обычно хлопотала с детьми или по хозяйству. Иногда она пела, но делала это как-то натужно; писала стихи, но прятала, стеснялась...

Когда ему было три года, родилась сестра — Галина. Он очень хорошо помнит, как открылась дверь, пахнуло свежим октябрьским воздухом, сквозь распахнутые двери сенцев был виден кусок чистого, голубого неба, и вошла мать с белым свертком на руках. «Это твоя сестренка!» — сказала она, обращаясь к нему, и он запрыгал от радости вокруг кольца крышки подвала, держась за нее рукой. Когда мать вышла из декретного отпуска на работу, Гриша часто нянчился с сестрой. Однажды он так сильно раскачал колыбель, что она перевернулась и, встав на попа, накрыла ребенка. Хорошо, что Галочка не пострадала, только испугалась. Но влетело ему здорово. Однако трепка и стояние в углу — а во дворе был прохладный, сияющий август, когда в отсутствие жары хотелось бегать и прыгать,— были все же компенсированы вкусными картофельными драниками* с молоком — уж такова была бабушка Рая. Ее, неграмотную, никто никогда не учил педагогике, но она была педагогом от природы, причем высшего класса, ибо ругала и наказывала очень редко и только за большие проступки, что запоминалось на всю жизнь, как и драники с молоком.

* * *

Когда Грише шел шестой год, вдруг в большом черном репродукторе, который

* Драники — картофельные оладьи, блюдо белорусской кухни, популярное также в украинской, русской, восточноевропейской и еврейской кухнях. Традиционно драники подаются горячими со сметаной (или молоком — прим. авт.).

висел над его кроватью, вместо привычных песен, музыки и коротких разговоров, раздались длинные дядины выступления. Было очень скучно. А тут еще все: тети, которые тогда были в гостях, отец и другие взрослые стояли возле и сидели вокруг стоящей на столе керосиновой лампы, и никто с ним не занимался. И Григорий хорошо запомнил, как тетя Лиля, в ответ на чьи-то повторяющиеся слова: «Сталин», «Сталин», тихо, но с таким презрением, что зафиксировалось в сознании и подсознании мальчика на всю жизнь, сказала: «Мужик!». Только потом уже, будучи подростком, он спросил отца — что это было? Тот объяснил, как мог, мол, осуждали Иосифа Виссарионовича Сталина после его смерти. Саму же смерть Гриша не помнил — было ему тогда два с половиной года — и знал о ней, опять же, только по рассказам родных.

* * *

Керосиновая лампа давала мягкий-мягкий свет, позволяющий видеть в комнате все и одновременно сохраняющий таинственные уголки зыбкого полумрака, где жили загадочные тени и тайны.

Часто вспоминал Гриша, как, когда в сумрачном небе за окном уже едва различались темно-синие облака и была зажжена лампа, за столом, у самого света, сидит бабушка Аня и что-то штопает. По другую сторону стола отец, недавно пришедший с работы, читает газету. Первым делом он подходил к Грише, и тот помнит его всегда теплые руки. Детьми отец совсем не занимался, — изредка потреплет рукой по волосам, и все.

Вообще-то это комната тети Фаины, свояченицы бабушки Ани. Но в нашей комнате мать занимается с двумя младшими сестренками — Галей и Кировой, и остальные члены семьи собрались здесь, чтобы не мешать. Тетя, очень устающая в ателье, где она с утра до вечера кроит и шьет, шьет и кроит, лежит сейчас на своей застеленной покрывалом широкой кровати. Гриша сидит рядом с ней, так как очень любит в это вечернее время, при живом свете керосиновой лампы, слушать, как она своим мягким, задушевным голосом рассказывает сказки. Да и как не любить, если все так ладно ложится на детскую душу?

Звуки приветливой тетиной речи приятны Грише. Частенько она успокаивала его после взбучек, получаемых им, баловником, от строгой матери. А тот, зная, что только тетя может это сделать, сразу же бежал к ней, прижимался и, сотрясаясь от рыданий, доверял все, вмещавшееся в сердце.

Бабушка Рая, заменившая потом детям умершую тетю Фаину, тогда еще не жила с ними. И тетя была единственным человеком, с которым дети могли поговорить по душам, получить объяснения своим поступкам и понять, что они все равно хорошие, только нужно чуть-чуть исправиться.

Гриша ждал конца рабочей смены тети Фаины и шел ей навстречу. Только завидев ее, немного сутулую, размеренной усталой походкой идущую по тропинке (тропуар у них в поселке был с другой стороны центральной улицы), вприпрыжку бежал ей навстречу, обнимал и, взяв за руку, шел рядом. У тети никогда не было своей семьи и детей, и она очень любила внуков своей сестры, особенно Григория. Вот и сегодня, в этот ясный, с чуть розовым небом, вечер, пройдя так с ним немного, она дала рубль на мороженое. Он бежал к киоску, который был недалеко, и покупал их основное детское лакомство — молочное мороженое в белом бумажном стаканчике с деревянной плоской ложечкой. Если отковыривать холодную сладкую массу по чуть-чуть и слизывать ее с ложечки, смакуя вкус мороженого и дерева, то удовольствие можно продлить надолго.

Тетя Фаина умерла достаточно молодой. Она лежала на покрытых белыми про-

стынями сдвинутых столах в окружении многочисленных зажженных свечей. В комнате полумрак — окна и зеркала занавешены. Некрасивое, но всегда доброе лицо ее было сейчас и знакомо, и не знакомо, как будто некая полупрозрачная маска, придающая ему заостренность, лежала на нем. Все говорили тихо, почти шепотом, ходили на цыпочках и переживали, но более всего Григорий и бабушка Анна, для которой свояченица была самым близким человеком в поселке. Слезы медленно катились по ее морщинам, и голова кивала в такт беззвучным молитвам. Было как-то немного страшно, будто что-то неведомое залетело к ним в дом и навсегда унесло из него теплое, доброе, родное... Только много позже Григорий понял — тетья была в его жизни другом, близким сердцу, дорогим человеком, ее любовь и доброта первыми обогатили его для грядущей жизни.

Мать не плакала, но лицо ее было сурово печальное. Она держалась, молча, немного в стороне. Ее небольшое тело, прямая и твердая осанка, строгое лицо, прямой взор серо-голубых глаз вспоминаются Грише и по сию пору. Видимо присутствие смерти обостряет восприятие.

Гриша грустил, но вместе с этим чувством было непреодолимое стремление, чтобы все увидели, что он переживает больше других. И еще он ловил себя на наблюдении всяких мелочей — деталей одежды людей, колебания свечных огней, дышит ли покойница, птиц и шевеление листвы за окном... А еще — Грише было стыдно — очень хотелось бегать, играть и смеяться...

Вдруг зашли какие-то чужие люди, вынесли тетю Фаину на улицу и унесли куда-то далеко-далеко. Больше Гриша ее не видел...

Погода стояла осенняя, было ясно и ветрено, но деревья стояли уже голые, без листьев... Гриша с соседскими детьми принялись, как обычно, играть, бегать, шалить, но подошла соседка и, обращаясь к нему, сказала: «У тебя тетя умерла, а ты балуешься и кричишь. Нехорошо...»

* * *

Повлияли ли смерти Миши и тети Фаины на детское сознание? Безусловно, повлияли. Как? — Это другой вопрос, ответить на который трудно, ибо другого не дано, потому не с чем сравнить. Похоже, жизнь «решила» не давать маленькому человечку находиться в состоянии постоянного благодушия, подобно одной знакомой матери — Гриша ее иначе как «тетка» не называл, — при каждой встрече очень больно щипавшей его за щеку.

* * *

Мать погибшего Миши, тетя Майя, работала продавцом в книжном и одновременно канцелярском магазине. Гриша с мамой частенько заходили туда, и, может быть, оттуда любовь его на всю жизнь к книгам, тетрадкам, карандашам и ручкам, и вообще ко всей канцелярской продукции (что интересно — даже к той, которой тогда и в помине не было). До сих пор ему нравится заходить в такие магазины и, даже ничего не покупая, просто побродить между полками, полюбоваться прилавками, подержать что-то в руках и... понюхать. Да-да, понюхать! Запахи этих товаров приятно радуют и по каким-то неведомым связям подсознания укрепляют жизнелюбие и вселяют уверенность в неких неясных еще будущих свершениях. Почему так? Видимо, это не только из-за визуальных, тактильных и обонятельных впечатлений раннего детства, но и слова какие-то говорились тогда взрослыми, правда, не помнит он их, запечатленных в глубинной, не поддающейся вербальному вскрытию памяти.

* * *

Память же — интересная по своей природе штука. Вот взять, например, бабушку Аню, маму Гришиного отца, которая, в отличие от тети Фаины, была немногословна, сдержана и держалась несколько в стороне от внуков. А ведь запала в душу, и память о ней у Григория жива и поныне.

Бабушка молодой девушкой вышла замуж, но тут началась война. Дед, которого тоже звали Григорий, в 1914-м был призван в армию и направлен на фронт. В 1917-м году он попал в немецкий плен и заболел там туберкулезом. Истощенный донельзя, но так и не бросивший курить, вернулся в 1922-м году из неволи. Однако не долго был домашний покой деда — успел подремонтировать дом, зачать сына и — умер, так и не увидев его.

Осталась бедная Анна одна с сыночком, с малюткой и так и не вышедшей замуж свояченицей, тетей Фаиной. Так и жили они, зарабатывая шитьем и ремонтом одежды, да садик с огородом и куры немного помогали.

Но беда одна не ходит. Положила младенца на печь (в восточной Белоруссии на кухне ставили русскую печь, имевшую лежанку) и пошла хозяйственными делами заниматься. И то ли положила плохо, то ли вертеться сильно стало дитя, но упал он и сильно повредил себе позвоночник. Так и остался отец на всю жизнь с сильно искривленным позвоночником — одно плечо было на сорок пять градусов выше другого. Да и сам по себе родился слабеньким — от отца-то туберкулезника, к тому же истощенного пленом.

В Отечественную войну семья уехала в эвакуацию. Произошло это благодаря Гришиному отцу, живо интересовавшемуся всем, в том числе и зарубежной политикой. Они не поддались на агитацию ходивших по домам людей из евреев, убеждавших таких же, как они, не уезжать, оставаться по домам, памятуя о том, как хорошо относились немцы к евреям в Первую мировую войну. Многие поддались на их уговоры. Чем все это закончилось — хорошо известно...

Всю жизнь трудилась бабушка Аня за иглой, ножницами и швейной машинкой, да в огороде вместе с тетей Фаиной, растя сына, дав ему среднее и средне-специальное образование бухгалтера.

Говорила она на идиш*, — которого ни мать Гриши, ни тети, ни дети не знали, а Григорий, сколько себя помнил, стыдился перед друзьями, — и смеси русского с белорусским, ходила во дворе и огороде зимой и осенью с весной в обычной деревенской одежде: ватнике и теплом платке, башмаках или валенках, а летом — в простом ситцевом сарафане. И лишь когда выбиралась по делам в поселке или в гости к знакомым, одевала свою лучшую на все времена, праздничную одежду. Религиозности за ней не наблюдалось, хотя пасху соблюдала как положено. Когда же Грише было десять лет, и объявили о полете Гагарина, между ними состоялся такой диалог:

— Вот видишь, нет Бога: Гагарин никого там не увидел! — воскликнул восхищенный Гриша.

— А Бог еще выше! — ответила она ему.

Бабушка с матерью плохо уживались, часто ругались, да так, что вся улица слышала мамин голос и бабушкино: «А ты йди, не мучай мяне, хватить, хватить!..»

Она всегда была спокойна и чувствовала все. Григорий до сих пор помнит ее лицо, глаза, голос и то, как она обращалась к нему всю жизнь: «Унучок!»

* Идиш — еврейский язык германской группы, исторически основной язык ашкеназов, на котором в начале XX века говорило около 11 млн. евреев по всему миру. Идиш возник в Центральной и Восточной Европе в X—XIV веках на основе средневерхнемецких диалектов с обширными заимствованиями из древнееврейского и арамейского и (в восточной ветви) славянских языков, а позднее — и из современного немецкого языка. Сплав языков породил оригинальную грамматику, позволяющую комбинировать слова с немецким корнем и синтаксические элементы семитских и славянских языков.

* * *

В детстве Гриша был худющий, как говорится, кожа да кости. При этом у него была длинная шея, на которой вертелась во все стороны любопытная голова, длинные, несоразмерные с ростом руки с худыми пальцами, и такие же длинные ступни. Про походку никто ничего не говорил, но, став взрослым, узнал, что походка в течение жизни практически не меняется. Значит, она и тогда была важной. Потому не удивительно, что прилипла к Грише, еще до того, как пошел в школу, кличка «гусь». Немалую роль в этом сыграли его будущие приятели, которых он до школы знал лишь издали.

Однажды Григорий играл во дворе своего дома, в котором жили тогда две семьи. Двор от улицы отделял не забор, как позже, а простой редкий штaketник. Стояла ясная солнечная погода, в небе кудрявились белые облака, а между ними была видна яркая синева. На другой стороне улицы, на лавочке, сидели двое белобрых ребят его возраста и, показывая на него пальцем и смеясь, кричали: «Гусь, гусь!..»

Дом, у которого сидели ребята, был необычным. Там вместе с родителями и сыном жила красивая, но тихо помешанная женщина. Когда не нужно было трудиться по хозяйству, она часто сидела на лавочке, сложив на коленях руки, и подолгу глядела в одну точку перед собой. Рассказывали, что во время оккупации за ней ухаживал немецкий офицер, и она постепенно стала отвечать ему взаимностью. Офицер говорил, что любит, был добрым, культурным и заботливым, все время носил продукты, делал подарки. Она забеременела от него и родила сына. Когда немцы отступали, офицер уехал вместе со всеми, оставив ее с ребенком перед лицом всеобщего недоброжелательства и осуждения.

Борис вырос в высокого красивого темноволосого парня. Война закончилась всего десять лет тому назад, и в памяти людей еще было очень свежо все, связанное с ней. Поэтому друзей у него не было, знакомые одноклассники были не в счет. И Борис тянулся к соседским детям, лет на пять-семь моложе себя, и к ровесникам, приезжающим из Гомеля и Минска погостить у родных. Борис был добрым и ласковым парнем, и ребята, чувствуя это, отвечали ему тем же.

Будто сейчас видит Гриша, как сидят они во дворе на скамьях за серым дощатым столом, на который из-за яблони ложится полоса яркого солнечного света, и Борис читает им книжку. А с ветки прямо на стол вдруг слетела птица, с любопытством, наклоня голову то в одну, то в другую сторону, поглядела на них, на книгу, пару раз прыгнула и упорхнула. Борис отложил книгу и смастерил с ребятами птичку-игрушку. Он любил делать детям игрушки и играть в их игры. Ребята все знали о нем, но никогда не возникало даже желания что-то сказать, подразнить, как это часто бывает в детской среде. Надо думать, все дело было в его теплоте, она растворяла в зародыше все дразнилки, прозвища, все злое, что в избытке появлялось на неуправляемых еще «молодых» языках в других ситуациях и с другими детьми, и даже с взрослыми людьми.

По каким-то неведомым законам образ Бориса тесно переплелся в памяти с тетей и керосиновой лампой. Можно, рассуждая логически, попытаться вывести некие закономерности этого явления. Григорий в своей взрослой жизни не раз возвращался к этой ассоциации, но ему никогда не хотелось рассуждать на эту тему, ибо какой-то частью души он чувствовал — хирургический нож ума может разрушить неповторимое сплетение людей, явлений и предметов, создающих некое духовное пространство, некое окно во времени, через которое ты приобщаешься к восстанавливающему что-то в тебе и питающему источнику света и тепла в душе.

* * *

Потом, по прошествии времени, Григорий часто задумывался о том, какая все-таки интересная штука жизнь. Кто бы мог подумать, что та трагическая потеря друга в первые, ранние годы, какая произошла у него, станет началом в длинной цепочке дружеских потерь и расставаний. Но тогда, когда ему еще не было семи лет, он, сидя у керосиновой лампы, вовсе не думал об этом. Ведь в детстве жизнь — это не то, что прошло, и не то, что еще не наступило, а только то, что происходит вот здесь и сейчас, и воспринимаемое глубоко и многомерно. Слова эти нашел уже потом, вспоминая свои ощущения того времени, но они очень неточны. А вернее, нет терминов в языке взрослого человека, описывающих детское восприятие, глубоко отличающееся от взрослого. Может быть, это и есть истинное, незамутненное ничем восприятие, во многом определяющее наши теперешние симпатии и антипатии, предпочтения и неприятия. И любовь к свечному и, вообще, спокойному огню, может быть, имеет корень в той самой керосиновой лампе на столе. А тяга в течение всей жизни к старшему по возрасту другу — в том парне по имени Борис, который дружил и играл с Гришей в детстве. Или, например, внутренний идеал матери и жены, как доброй и теплой, спокойной, успокаивающей и, одновременно, побуждающей к самоуважению и мужеству, создавался благодаря тете Фаине и бабушке Рае. Обо всем этом можно много говорить и спорить, и никто не даст однозначного ответа на эти вопросы. Одно может сказать Григорий теперь определенно — очень многое формируется в детстве и, особенно, в первые его годы.

* * *

Гришина семья дружила с семьей Стрибуков. Бабушка Настя с мужем-плотником жили наискосок от их дома, а сын же ее Иван с семьей — по соседству, справа. У молодых был патефон, и мать иногда просила его с пластинками на вечерок, послушать песни. Патефон для нас тогда был волшебством — крутя ручку, заводил его, потом ставить пластинку и на нее звукосниматель с иглой, а сами песни!.. Бабушка Настя часто угощала нас, детей, жареными семечками и целыми сырыми подсолнухами, рассказывала истории из недавнего военного прошлого поселка, которое все еще было свежо в памяти.

Позже, купив недалеко от нас дом, переехала в Брагин еще одна семья Стрибуков, но к первым они не имели никакого отношения. Мать сразу подружилась с ними, а Валера стал Гришиным другом, и они частенько играли вместе и разговаривали на разные темы... А еще мать очень близко сошлась с Ниной, еврейкой, отринутой ее семьей из-за позиции по ряду вопросов, когда честность для нее стала выше семейной солидарности...

* * *

Закончилось раннее детство Григория с приездом деда Ильи с супругой из Ташкента на отдых в Брагин. Его встречали всей семьей: мать, бабушка Рая, отец, бабушка Аня и дети. В кустах на площади автовокзала трещали воробьи. Небо на юго-западе окрасилось в розовые, алые и где-то оранжевые тона. Все пошли пешком к дому, находившемуся недалеко от автовокзала.

Дед оказался полной противоположностью отцу — мягкому и доброму человеку, был мужественен и где-то даже суров. И Григорий насторожился, почувствовав в нем крепкую руку.

Деда все время тянула природа средней полосы, и уже на следующий день он взял внука с собой на рыбалку. Они долго шли по улице, потом по берегу Брагинки к

тому месту, где ждала лодка, арендованная дедом. Стоял конец июля, и после долгих дождей, шедших вслед за испепеляющей июньской жарой, когда речка обмелела, а травы пожухли, природа возродилась: полноводная река омывала берега с вновь зазеленевшей растительностью.

И вот они в лодке. Родители Гриши, несмотря на жизнь в сельской местности, не были любителями походов далее чем в парк, кинотеатр или на рынок. Он впервые в жизни ощутил качающуюся под ногами поверхность — дно лодки — и чуть не потерял равновесие, но довольно быстро освоился и стал балансировать. Устроившись, рыбаки отошли от берега. Дед прекрасно греб, умело управляясь веслами. Вокруг росли различной породы деревья и кустарники, от их отражения и от обилия водорослей вода была приятного глубинно-зеленого цвета. Запах речной воды, особый и неповторимый, смешивался с запахом трав и цветов, которые покрывали весь берег.

В месте, известном только специалистом-рыбаком, лодка замерла. Когда вода успокоилась и гладь реки нарушалась лишь тонкими дрожащими пупырышками от жизни водных насекомых и от всякой мелочи, падающей с деревьев, дед шепотом, приложив палец к губам, сказал: «Тихо...» и осторожно достал удочки. Освободив леску, он открыл коробочку с заранее приготовленными червями и насадил по одному на крючок каждой удочки. После этого мастерски забросил их по обе стороны лодки, застывшей на середине реки, и они стали ждать. Нужно сказать, что рыбы в Брагинке водилось вдосталь, и вскоре, ну, может быть, часа через два, на одном месте наши рыбаки наловили ее с полведра. Проплыв на лодке еще метров двести по живописному водному коридору, они, вернее, дед, а Гриша по большей части как свидетель, скажем, с небольшой степенью участия, повторили все предыдущие действия. Так эта «сказка», — Григорий внимал каждому движению деда, каждому действию в процессе рыбалки и всему окружающему, как некоему волшебству, так как никогда в жизни ничего подобного не видел, — продолжалась почти весь световой день. Рыбы они привезли столько, что ее хватило и на уху всей большой семье из девяти человек, с учетом деда с супругой, и пожарить, и на второй день осталось, а что-то и вялить повесили во дворе на веревке, предварительно хорошенько засолив.

Гриша с дедом Ильей не только катались на лодке, но и бродили по окрестностям поселка и уезжали в лес за грибами и ягодами. Впечатлительная детская память мальчика зафиксировала один из таких дней, когда они возвращались с полной корзиной подберезовиков и белых грибов. Стоял ясный день, было еще не жарко — солнце спряталось за облако и все вокруг обрело более глубокий — густой и бархатный — окрас. Ветер принес свежесть и запах зелени. Затем солнце снова выглянуло, и опушка леса, по которой они шли, и луг осветились радостью и весельем. Припекало, и над дальним полем заметно заструились потоки испарений...

Эти сказочные путешествия на всю жизнь врезались в память Григорию, так как тогда перед ним впервые открылись двери в природу. До сих пор свежи в памяти запахи речной воды, тины, кувшинок и трепещущей в ведре рыбы, запахи леса — примятой дождем травы, елей и сосен, набело вымытых березок, молодцеватых дубков, ясеней и грабов, пьянящей земляники, черники и всевозможных грибов. Да, для него это было волшебной сказкой. С тех самых пор Гриша не может жить без контакта с землей и водой, лесом и полем, без всего того, что можно назвать одним словом — мать Природа...

* * *

Приближался сентябрь. А в конце октября Грише исполнилось семь лет. Родители хотели, чтобы он пошел в школу через год. Но дед провел с родителями беседу по поводу пойти учиться в неполные семь лет и настоял на поступлении в школу в этом году.

Каждый знает, что школа накладывает на все происходящее с тобой и вокруг тебя свой отпечаток, игры и отношения становятся уже другими, наполненными несколько иным содержанием. Поэтому в том сентябре началась для Григория другая жизнь.

Знаковым, предопределившим многое в его жизни, стал день первого сентября 1957 года — первый школьный день. В поселке было две школы — белорусская и русская. В русской школе было два первых класса и, соответственно, две учительницы. Одна, Евдокия Дмитриевна, была добрейшей души человеком, буквально излучающим свет доброты, а другая, Марья Петровна, — строгая, жесткой манеры поведения... И на протяжении всего этого первого дня каждая из них неоднократно уводила Гришу за руку из другого класса в свой. С тех пор два начала, воплощенные в этих учительницах, состязались в нем всю жизнь. Но победило все же светлое, благодаря доброй учительнице, незабвенной Евдокии Дмитриевне...

* * *

Мать уговорила деда Илью — брата бабушки Раи, помочь деньгами для покупки второй половины дома, в котором жила другая семья, с последующим строительством на ее месте новой пятистенки, соединенной со старой частью в один дом. Дело было достаточно затратное, все это по подсчетам должно было стоить около десяти тысяч рублей (это уже после денежной реформы 1961-го года). Дед был достаточно богат — сапожник-индивидуал в Ташкенте — и согласился подарить эти деньги своей сестре, усомнившись, что в течение всей жизни никогда ничем не помогал ей. Но при этом поставил условие, что будет приезжать с женой каждое лето на один месяц — рыбачить на лодке и ездить в лес за грибами да ягодами. Он, как и бабушка Рая, был уроженцем Витебской губернии и помнил, и любил все это с детства. Когда было достигнуто обоюдное согласие, сделка по покупке второй половины дома состоялась быстро, так как соседи переезжали то ли в Гомель, то ли в Минск, уже не упомнит он сейчас. Но отлично запечатлелось в памяти, как, не дождавшись пока соседи — женщины с детьми — покинут помещение (до автобуса оставалось еще время, но пришли рабочие), мать велела ломачами и кувалдами рушить стену, разъединяющую две части дома. До сих пор Григорий видит обиженные лица бывших соседей.

Когда строился новый дом, было лето. И пока закладывался фундамент, ставился сруб, русская печь и грубка*, и потом внутри стены обивались дранкой и штукатурились, все жили в старой части дома.

Грише шел одиннадцатый год, и он с ребятами, от нечего делать, в школьные каникулы, наблюдали за работой штукатуров. И тут у них возникла идея — помочь взрослым — самим поштукатурить. Ну, а те и рады были, поручили детям шлепать раствор на прибитую заранее к стене дранку и размазывать его шпателем. Когда мать пришла на обед, она была в ужасе: разогнала «помощников», что есть мочи ругала сына, а работникам выговорила и заставила все переделать (а это целая стена). Так закончилось первое Гришино приобщение к производственному труду.

Стояла середина лета. Гриша спал теперь в большой светлой комнате, и, проснувшись, старался быстрее встать, ибо энергия радости и желание что-то делать переполняли его. Он жил с широко открытыми глазами и так полно, как будто вся жизнь происходит в эту конкретную прекрасную и наполненную невероятной глу-

* Грубка (белорус.) — чисто белорусское устройство типа камина, которая обогревала сразу все комнаты: небольшая четырехугольная печка для отопления, нередко соединявшаяся с печью общим дымоходом, которую клали из обожженного кирпича (раньше из сырца), поверхность обмазывали глиной, белили или покрывали кафелем. Чтобы грубка лучше нагревалась, дымоход делали с поворотами. Сначала грубка имела общий дымоход с печью, позднее — отдельный.

биной минуту. Наверное, это и есть счастье, и почему-то все совпало именно с вселением в новый дом!

Вернется ли когда-нибудь это состояние полноты неосознаваемой веры в себя, ничем не ограниченной естественной любви ко всему окружающему, веселья и неограниченного ничем желания любви к себе, а отсюда и непосредственное, без рефлексий и иных отягощений, но, в то же время, подсознательно мудрое решение всех забот и потребностей? Неужели навсегда ушло это и остались только далекие и редкие воспоминания, да и то только когда есть на это время, настроение и здоровье?..

А дом был хорош. Четыре большие, просторные светлые комнаты: кухня и столовая, разделенные только большой русской печью, с проходом между ней и стеной; зал и спальня — стандарт белорусской пятистенки. Между четырьмя этими комнатами — в их перекрестии — была грубка. Печь ведь топилась только утром, когда готовился обед или когда пеклись пироги и пирожки. А ужин разогревался на керосинке.

Чем еще нравился дом, так это холодным крашеным полом, что особенно привлекало летом, в жару. Подметешь его, помоешь (а Гриша делал это почти ежедневно как старший помощник матери — девчонки-сестренки Галя и Кира тогда были маленькими) и ляжешь на него спиной с книгой — любота!

В сенях всегда, начиная с октября, зимой и до поздней весны стояли две бочки: одна с квашеной капустой, другая с солеными огурцами.

Вокруг дома, вернее, с двух сторон: со стороны двора и сзади — росли кусты сирени разных сортов — мама очень любила ее и, вообще, цветы. Вдоль дорожки от калитки до сений росли розы, георгины, пионы, астры, маргаритки, анютины глазки, табаки и другие цветы. Отсюда, наверное, и у Григория возникла любовь к их красоте.

* * *

Особое место в усадьбе, а она теперь удвоилась и стала площадью в двенадцать соток, занимал сарай. Он стоял посередине и был довольно большой — в нем хранились необходимые для работы в саду и огороде инструменты, дрова, всевозможные ящики. Был и отгороженный угол, где одно время жил поросенок, очень любивший рыть под собой землю, а затем в течение двух лет — корова, обожаемая детьми. Они гладили ее, провожали утром на улицу — в стадо, ведомое пастухом на выгон, а вечером радостно встречали, когда она сама останавливалась у калитки и мычала, просясь домой. Правда, два года пили теплое парное молоко — не очень приятная процедура для всех детей, — но послушаться матери не смели. Наверху, на полатах, еще долго хранилось духмяное, пахучее сено.

Однажды корова отелилась, и Гриша с сестренками не помнили себя от радости, бегали смотреть на теленка, гладили его по еще влажной шкуре, глядели в блестящие доверчивые глаза. Корова-мать, ревниво косясь на них, облизывала свое дитя, мычала и старалась встать между.

Но как-то вечером, зайдя в стойло, Гриша не нашел там ни теленка, ни его матери. Плача, он подбежал к родителям и узнал страшную новость, потрясшую его до глубины души — теленка продали, а корову забили. Гриша еще не понимал тогда, что означает слово «забили». Но в тазах, бочонке, корыте, выварке лежало свежее мясо. Его варили, солили, жарили, делали колбасу, делились всем этим с соседями. Дети ели с аппетитом, так как растущие организмы требовали питания, и все было очень вкусно. Но при этом в душе Григория было горько и больно, ибо он понимал,

что ест любимую Маруську. То же, но, может быть, не так осознанно, творилось и в душах младших сестренек. Гриша видел их удрученное выражение опущенных в тарелки глаз. Ощущение было не из лучших, как будто предали дорогого друга. По силе трагичности это было второе событие после смерти Миши. Но никто в этой гибели не был повинен — ни родители, ни тем более дети, — Маруська сильно заболела при отеле, и ветеринар сказал, что нужно резать, пока не издохла.

Когда не стало Маруськи, сарай словно опустел. Гриша с ребятами частенько забиралась на сеновал, лежали на мягких охапках сена и болтали. Сеновал почему-то располагал к разговорам о том, о сем и к не вполне ясным детским мечтам.

Сарай был интересен еще некоторыми своими свойствами. Ну, во-первых, его ворота, если их распахнуть настежь, можно было использовать как футбольные. Но однажды добрая душа, сосед наш, дядя Ваня Стрибук, подвесил на перекладине ворот добротные качели, и детвора много качалась на них, следуя подсознательной склонности к этому, связанной, видимо, с еще свежей памятью души о полетах.

Сарай, поскольку был без фундамента, привлекал к себе возможностью делать подкопы под стенку и, соответственно, тайные лазы, прикрытые кое-чем, через которые всегда можно было скрыться от родителей — зашел в сарай, а нету нигде, — и особенно от наказания матери, которое, конечно, было неминуемо, но уже не в пылу страсти, а также от «врагов» при игре в войну и в шпионов-разведчиков.

За сараем было место, где среди низкорослой, стелющейся травы кишмя кишели муравьи, в разных направлениях от муравейника — невысокого холмика — они бежали порожняком, а к «дому» — уже нагруженные разными тяжестями. Дети часто, забавляясь, играли с ними, мешали им, создавая искусственные преграды и наблюдая, как они преодолевали их. В огороде было много бабочек и стрекоз — великолепных созданий, разных цветов, узоров и оттенков. Было интересно следить за их действиями. Они частенько доверчиво садились на детские руки. Солнце, запах цветков, травы, садовых и огородных растений, стрекот кузнечиков и бабочки со стрекозами — чудо летней поры.

* * *

На участке же, состоявшем из сада и огорода, каких только плодовых деревьев и ягодных кустов, посаженных руками матери, не росло. Там были разных сортов яблони, груши, сливы и вишни. По краям огорода росла черная, красная и белая смородина, крыжовник. А за сараем, как всегда в окружении крапивы, были заросли малины. Росла и клубника, но это — ягода особой стати. За ней требовался постоянный уход на особой плантации, прополка, поливка. Так что правильнее сказать: не она росла, а ее выращивали...

Благодаря этому, лето ассоциировалось для детей с возможностью выйти в сад и, что называется, «от пуза» наестся фруктов и ягод. Но мать, для поддержания всего благолепия, приучала их к посильному труду. Были обязанности и у Гриши, и работа легко спорилась, так как выполнялась с удовольствием. Нужно было полить теплой водой из бочки грядки огурцов, помидоров, лука, чеснока, морковки и зелени, предварительно прополов их от сорняков, а затем в ту же бочку натаскать ведрами воду из колонки.

Все остальное пространство огорода занимал картофель. Он рос высокими стеблями, и для Гриши — еще и в раннюю пору, когда их семья владела только половиной дома и участка, — это было дополнительным и увлекательным местом для игры. Индейцем, партизаном, разведчиком — с самодельным автоматом из стебля подсолнуха, с приспособленным к нему прикладом и магазином, с устроенной на дуле большой рогаткой, — он ползал между грядками под густой листвой, как в джунглях.

Причем умудрялся так ловко изгибаться, что мог проползти весь огород, и никто не замечал никакого шевеления.

* * *

Огород переходил в болото, весной и осенью полное воды, к лету же расцветающее кувшинками и ряской. Округа наполнялась кваканьем лягушек, тучи комаров витали вокруг, и множество стрекоз охотились за ними. Болото дышало, звучало своими особыми, свойственными только ему звуками, и непередаваемые запахи — смесь растущей и цветущей зелени, застоявшейся воды и естественной растительной гнили — стояли в воздухе. В июне болото высыхало — из земли торчали лишь сухие стебли, но не уходило совсем, до поры до времени пряталось в вырытые, — чтобы быстрее осушалась земля, — то тут, то там глубокие, выше человеческого роста и достаточно широкие канавы, казалось, доверху наполненные ряской, тиной и лягушками.

Ребята, взяв длинные палки, любили болтать ими в канаве, пугая ее обитателей — лягушек, которыми вода буквально кишела. Те поднимали переполох и выпрыгивали из канавы, выпучив глаза и квакая во все свое лягушачье горло.

Однажды Гриша, шести лет, будучи один, не удержался и плюхнулся в воду. Он помнит тину, характерный запах болотной воды, как барахтался в ней, как лягушки, задевая его лапками, кинулись врассыпную. Вот тогда-то он, наверное, и научился бы плавать, если бы не сестра матери, тетя Лиля, загоравшая невдалеке. Она вытащила горе-пловца, всего обляпанного тиной и мелкими водорослями, на «берег». Таким было первое Гришино общение с водоемом...

* * *

Но вернемся на сушу, на огород, где было гораздо интереснее. Хотя бы взять растущую перед сараем большую раскидистую сливу. На нее можно было легко залезть и, главное, удобно усесться на крупной ветке у ствола. Взору при этом открывалось несколько дворов наших соседей, и детское любопытство вполне удовлетворялось наблюдением за тем, что там росло и что там происходило.

Поэтому, наверно, то ли потому, что игра в войну, в партизан и разведчиков в крови у мальчишек, то ли по другой какой причине, но чем еще объяснить стремление детей «партизанскими» тропами, ползком по-пластунски, тайно залезть в чужой огород и вознаградить себя за «подвиг» обычной морковкой? Неужели она была слаще собственной? — ведь на своем огороде и в саду они имели все, что душе угодно.

Но, так или иначе, если уж «партизанить» и «воевать», то по-настоящему. А для этого, кроме «оружия» и «амуниции», нужен был и настоящий блиндаж. Что и было сделано однажды, в перерыве между уходом родителей на работу и приходом домой на обед (в поселке все ходили обедать домой), — буквально за четыре часа лопатой и ломиком была выкопана прямоугольной формы яма глубиной в метр и над ней сооружен шатер из досок, картона, толи и старого покрывала, найденного в сарае. Для входа в блиндаж Гриша сделал удобные ступеньки. В земляном его полу сотворил еще и закрывающийся сверху подвальчик, в который натаскал сухарей, соли и несколько картофелин, морковок, огурцов с помидорами, яблок и луковиц. Было еще в блиндаже специальное место для хранения «оружия»: ружья — из ствола подсолнуха с мушкой и рогаткой, игрушечного металлического пистолета, деревянного автомата, деревянного же кинжала и двух гранат из перезревших огурцов. Блиндаж получился на славу. В довершение рядом с ним был установлен флашток, на котором развевалось знамя — кусок материи из старого красного сарафана.

Мать, когда пришла на обед, только взглянула на сооружение и улыбнулась. Видимо, ей пришлось по душе трудовое творчество сына. Пообедав, она даже позволила Грише показать ей и внутреннее устройство блиндажа.

Всю вторую половину дня он приглашал своих знакомых ребят, сестренек своих подруг, и они всю, до самой ночи,— когда их буквально разгоняли по домам,— играли в «русских и немцев».

* * *

А еще всегда притягивала Гришино внимание лестница, приставленная к задней части дома и ведущая на чердак. На ее ступеньках всегда можно было удобно усесться, так как пролеты были как раз под него — и ноги можно было удобно поставить, и голову затылком прислонить. На нижних ступеньках он сидел, когда читал книгу. Кругом росли кусты сирени и яблони, и было достаточно тенисто, даже днем, когда солнце выглядывало из-за крыши, направляясь в свое ежедневное путешествие на юго-запад.

Средние ступеньки использовались уже для менее мирных целей: оглядеть все свои владения, то бишь огород, сад и сарай, заглянуть и на «вражескую» территорию — опять же огороды и сады соседей — и пострелять из ружья: уперев подсолнуховый ствол в плечо, держа за «магазин» или ствол, взведя «затвор» — рогатку, прицелившись с помощью мушки из двух гвоздиков,— по движущимся и неподвижным целям. Однажды Гриша попал «в десятку» — в ягодицу соседской девочки-пампушки — ох, и попало же ему тогда!

Еще Григорий обожал закаты. А они были великолепны. Он мог по вечерам подолгу сидеть на верхних ступеньках лестницы и зачарованно глядеть вдаль на солнце, уставшее наблюдать все его похождения в течение дня и уходившее отдохнуть за горизонт, на крыши дальних домов, на неповторимо меняющуюся акварель облаков и на птиц, парящих в небе и прощающихся со светилом до восхода, на высокие, освещенные вечерними лучами деревья.

Лестница еще служила своеобразным тренажером. Какие только упражнения, вплоть до кульбитов, он не проделывал на ее ступеньках. Но однажды сорвался с самых верхних, полетел вниз и умудрился животом упасть на одну из нижних ступенек. Удар был сильным, и даже когда встал на ноги, еще какое-то время ходил, согнувшись от боли в животе. Тетя-врач сказала, что мог быть разрыв селезенки. Но его ничто не могло остановить, и он продолжал свои эксперименты с лестницей.

Она была ценна и тем, что вела на огромный чердак. Свод его из свежих бревен был высок, окно широкое, а «пол» был устлан толстым слоем опилок. От них стоял стойкий свежий древесный запах. На чердаке в жару всегда было прохладно, и дети частенько забирались туда, лежали на опилках или сидели на горизонтальных брусах, разговаривали и играли в свои любимые игры.

* * *

Доступной и практически единственной сладостью для Гриши и сестер была тогда пастила, которую привозили тети, сами бедные, как монастырские крысы, и приезжавшие в летние каникулы из института на садово-огородное довольствование. Кусок пастилы лежал в шкафчике в сенях, завернутый в пергаментную бумагу, и дети в течение дня отщипывали от него по кусочку. А еще — молочное мороженное в бумажном стакане с деревянной плоской ложечкой, на которое давала рубль, а после денежной реформы 61-го года десять копеек, тетя Фаина или старьевщик за кучу металлолома; стакан газировки с сиропом за четыре копейки и халва в школьном буфете — вожделенный Гришей завтрак. Еле дождавшись большой перемены, когда открутился буфет, он бежал туда и на копейки, данные ему, чтобы купить пирожок или бутерброд, покупал сто грамм халвы и ел ее маленькими кусочками.

Была еще одна, самая большая, настоящая, радость — на Новый Год, годовщину

Октября и 8-е Марта, родителям давали на каждого ребенка по пакету с очень вкусными гомельскими и московскими конфетами и печеньем. Дети прятали свой пакет, чтобы никто не мог посягнуть, и долго — порой недели по две — наслаждались этими сладостями. Гриша очень любил есть одновременно шоколадную конфету, печенюшку и яблоко, откусывая понемногу от каждого. Они не были избалованы сладостями, как, впрочем, и всем, включая еду, игрушки, одежду и обувь. И когда доводилось зайти в гости к другу — сыну врача, то большой ломоть белого хлеба с толстым слоем шоколадного масла был королевским угощением. А школьный костюмчик, покупаемый на вырост, носился три-четыре года. За все Гришино детство из игрушек у него была одна небольшая грузовая машинка, один резиновый, двцветный, с полоской по «экватору», мяч, пистолетик, который он сам купил на сэкономленные деньги (за что получил хорошую трепку), и совок с ведерком. Когда Грише исполнилось двенадцать лет, тети подарили ему шахматы.

Питалась семья очень воздержано. Утром — чай с бутербродом, днем на обед — суп и картошка или каша с мясом из супа, вечером — котлета или селедка с картошкой. Когда Григорий женился, домочадцы были очень удивлены тому, как он сверхтонко намазывал маслом ломоть хлеба. Вот так он и питался вплоть до двадцати трех лет.

А тогда он все свободное время проводил на земле — во дворе, на улице, в саду-огороде, причем с мая по сентябрь включительно — практически постоянно босиком. Может быть, поэтому, когда в четырнадцать лет переехал к сестре матери, на их родину, в Тулу, и стал жить в городской квартире, через три-четыре месяца случился у него острый аппендицит.

Но это все было потом. А тогда о таких вещах не думалось, и каждый день был, как целая жизнь...

* * *

Водопроводов в поселке в частных домах тогда не было, и за водой они ходили к колонке, находящейся в ста метрах от дома. В Гришины трудовые обязанности входило: натаскать в большую металлическую бочку воды и полить огород и сад. А еще мать поручала ему отжимать замоченное в растворе хозяйственного мыла белье всей семьи, а она у них была большая — пять человек (бабушка Аня занималась хозяйством самостоятельно).

Поручалось Григорию также присматривать за сестренками — Галей и Киной, которые, как и он, были октябрьскими. Разница в возрасте между Гришей и Галей, была три года, и потому быть ей няней он не мог. Ею была бабушка Рая. Бабушке же Ане мать такую роль не доверяла, памятуя, наверное, о травме мужа, Гришиного отца, в младенчестве. А вот Кирочке Гриша был с младенчества самой настоящей нянечкой — менял пеленки, пеленал, качал и кормил, когда мама была занята. Жили они с сестренками дружно, наравне принимали участие в детских забавах.

Дружил Гриша и со сверстниками, но игры чаще устраивал с детьми моложе себя по возрасту. Днем они играли в мяч, а когда темнело — развлекались прятками или, сидя на уличной лавочке у забора, играми-считалками...

Какого же труда стоило родителям «загнать» детей летом домой. Целого дня им было мало, а вечерние сумерки и собственно сам вечер до полуночи добавлял таких сил чудодейственным заходом солнца и дыханием-энергией ночи, что силы их удесятерялись, и они играли по очереди во все игры, которые знали. Ну, а оказавшись дома, сами страшились своего вида, ибо были черны от грязи от пальцев ног до, как говорится, кончиков волос. Тогда бралось большое корыто, наполнялось заранее

приготовленной горячей водой, и первый из детей подвергнулся «экзекуции» мылом и мочалкой. Затем и остальные, по мере убывания возраста.

Подрастал Гриша, и игры выросли вместе с ним. Одной из них был так называемый теннис. На улице перед домом было ровное земляное место, шириной метра три. На нем чертилась прямоугольная площадка с поперечной чертой посередине. И дети играли простым резиновым мячом примерно пятнадцать сантиметров в диаметре, используя вместо ракетки ладонь.

Младших детей Гриша любил строить в колонну по трое и маршем, в ногу, командуя такт: «Левой! Левой!», вести по улице, да еще под песню. Дети с радостными, воодушевленными лицами с удовольствием играли в это.

А еще любимой Гришиной игрой с детьми был «завод». От сарая до калитки тянулись «цехи», «конвейеры», на которых из «сырья» производилась «готовая продукция»...

С раннего детства Григория тянуло к автомашинам, нравился запах бензина и масла.

Однажды стояла сильная жара — уже с утра парило, — как от рядом горящего костра, сворачивалась трава по обочинам дороги. Солнце огромным пылающим шаром висело над землей, а вокруг него раскаленное, с багряными, как расплавленный металл, переливами небо, будто завесой скрывало голубизну. Гриша с матерью ехали попуткой из Хойник (мать находилась в крытом кузове, а он в кабине), и паренек попросил шофера научить его водить машину, на что тот, конечно, промолчал. Эта тяга вела к тому, что Григорий все время вертелся возле автомобилей... но так и не стал ни владеть, ни водить машину. Хотя один раз в жизни он сел за руль квадроцикла в туристической поездке в Египте, на сафари по пустыне. Водил классно, даже на обгонах и виражах — и это впервые в жизни! Но сейчас не об этом.

Так вот, в первых классах школы, все из-за той же страсти, Гриша соорудил у себя во дворе из фанерных ящиков нечто подобное кабине автомобиля. Там было сиденье, вертящийся руль — колесо детского велосипеда, — рычаг переключения скоростей, педали тормоза, газа и сцепления. Были баки как бы для бензина и воды. Он мог час сидеть «за рулем», управляя своим «автомобилем», издавая соответствующие машинные звуки, ощущая себя, как в реальности, водителем авто.

Прикасаться к его «машине» не смел никто. Даже мать с ее любовью к порядку терпела это сооружение в уголке двора.

А еще Григорий любил из бумаги делать «самолетики» разных модификаций, — не «голубей» бумажных, как их часто называют, а занимался именно «авиастроением». Любил испытывать разные модели — загиб уголка крыла, разлет крыльев, форма носа и хвоста — на дальность, планирование, выполнение разворотов и спусков и так далее. Это было еще одним из самых любимых его детских занятий.

